

НАТАЛЬЯ
НЕСТЕРОВА

Любовь без слов

Наталья Нестерова

Любовь без слов (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7437988

Нестерова, Наталья Любовь без слов: [сборник]: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-085578-0

Аннотация

Чего хочет женщина, того хочет бог, уверены французы. Только вот чего хочет бог, никому не известно. Казалось бы: женщина, скажи просто и ясно, чего тебе надо? Дорогая, любимая, единственная, поговори со мной на человеческом языке! Нет ответа... Добрые и веселые повести Натальи Нестеровой – про очень разных людей, и всем им бывает некогда, а иногда и не с кем поговорить о главном. К каким только казусам, курьезам, а иногда и драмам это не приводит!.. Иногда ведь одно слово – и жизнь изменится! Причем не только твоя...

Содержание

Любовь без слов	5
1	5
2	9
3	17
4	28
5	34
6	39
7	46
8	56
9	65
10	71
11	85
12	95
Пожалуйста, дайте поспать!	103
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Наталья Нестерова

Любовь без слов (сборник)

© Н. Нестерова, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Любовь без слов

1

Я всегда знала, что Маруся любит моего мужа. Она не пыталась соблазнить Леонида, не строила ему глазки, не делала намеков, не вела себя призывно, не кокетничала. Маруся переживала свою любовь как болезнь – не смертельную, но мучительную, стыдную и тайную, неизлечимую. Откуда я знала про влюбленность подруги? Если отвечу просто, моя уверенность может показаться сомнительной. По образованию я биолог, по специальности – генетик, по роду занятий ставила опыты на мухах, червях и прочих мелких организмах, склонных к быстрому размножению. Коллеги признавали за мной способность раньше других увидеть у подопытных объектов изменения в поведении и самочувствии. В обычной жизни я могу быть рассеянной и безуспешно искать вещь, лежащую на виду. Но у меня бывает состояние, про себя называю его «третий глаз включился», когда в зрачках открываются линзы микроскопа, который посылает картинку в мозг, мгновенно выдающий результаты увиденного.

Этим-то «третьим глазом» я и поймала взгляды, которые Маруся нет-нет да бросала на моего мужа. Расшифровать мне их было легко, потому что сама дважды оказывалась

влюбленной в чужих супругов, разрушила две семьи. Я не тянула Руслана и Лёню на аркане, они сами бежали ко мне, только пятки сверкали. Но от фактов никуда не деться – мое счастье почему-то приживалось только на несчастье других женщин.

Когда ты вступаешь в преступную связь, а отношения с чужим мужем я безо всякого кокетства называю преступными, то интимная близость – поцелуи, объятия, соитие, сдобренные изрядной порцией адреналина, – бывает великолепно. В народе говорят, что запретный плод сладок. Переведа эту истину на язык науки, можно сказать, что он, запретный плод, – один из мощнейших стимуляторов выработки гормонов. Не зря ведь существует такое понятие, как адреналиновый секс. Но через некоторое время ты начинаешь понимать, чувствовать, что секс – половина дела или даже меньше. Тебе страстно хочется владеть этим мужчиной, иметь на него право. Его жена, которая не может сравниться с тобой как любовница, но которой тебе стыдно в глаза посмотреть, вызывает дикую ревность именно потому, что законно владеет им. Мелочи, десятки мелочей – она сняла у него пушинку с волос, спросила, купил ли хлеб, рассказала, что он любит спать в обнимку с подушкой... А он вдруг вспомнил, что ему завтра надо быть при костюме с галстуком, и спросил, постирана ли его голубая рубашка. И сидишь ты за общим столом, пьешь вино, ешь салат, улыбаешься, поддерживаешь общий

смех, а на душе кошки скребут и до спазма в груди хочется владеть этим мужчиной, иметь над ним супружескую власть, засыпать и просыпаться с ним, стирать сорочки и пилить за то, что снова не вынес мусорное ведро или забыл купить молоко. А когда вечер закончится, она возьмет его под руку, и они отправятся в свое семейное гнездышко, ты проводишь их завистливым взглядом и поплетешься в другую сторону.

Маруся никогда не была любовницей Лёни. По складу характера она вообще ничьей любовницей не могла бы быть. Для этой сомнительной роли требуется, признаю откровенно, некая моральная ущербность и приступы неконтролируемой чувственности, когда страсть побеждает разум. Но за платонической любовью тянется такой же шлейф рефлексии, что и за любовью натуральной, физической. И я ловила взгляды Маруси. Сначала подумала, что ошиблась. Лёня отличный «разговорник», оратор, когда он говорит – заслушаешься. Смотрит на него Маруся восхищенно, но и вся аудитория под гипнозом Лёниных речей. Однако «третий глаз» открылся, и я уже замечаю, что Марусино восхищение с перебором, а когда Лёня молчит, Маруся время от времени бросает на него быстрый взгляд. Точно ребенок ворует конфету. Нет, ворует – это не про Марусю. Точно мучающийся жаждой человек судорожно и торопливо втягивает глоток воды. И наши с Лёней бытовые рутинные мелочи, о которых я говорила выше, доставляли Марусе болезненные уко-

лы. Внешне она оставалась прежней, отлично владела собой, никто кроме меня не замечал крохотных деталей, секундных реакций. Чуть дрогнули губы, изменилось дыхание, заморгала и стала вращать глазами, словно в поисках нейтрального предмета, на котором нужно остановиться взглядом и приказать себе успокоиться.

Ни Лёня, ни муж Маруси Глеб, конечно, не догадывались о том, что творится у нее на сердце. А мне и в страшном сне не могло привидеться, что я заведу разговор об ее чувствах к моему мужу или Лёню огорошу: Маруся-то влюблена в тебя отчаянно. Зачем? Кому от этого станет легче и лучше? Мы дорожим дружбой, нам хорошо вместе. И вносить в наш маленький теплый коллектив сумятицу, все равно, что плеснуть в компот керосина. Я надеялась – рассосется, увянет безответная любовь Маруси.

Не увяла ни через год, ни через два, ни через три.

2

Мы познакомились во время отпуска на Кипре. Лёня лет десять не отдыхал и еще двадцать не брал бы отпуск, если бы не моя настырность. Выдержать неделю праздности для него подвиг. Он фанатично предан науке и своим исследованиям. Работа для него – мощнейший стимулятор, абсолютное удовольствие, наркотик и смысл жизни. Все остальное, кроме работы, имеет вспомогательные функции, обеспечивает тылы, короткие передышки-отвлечения от главного, дает возможность не превратиться окончательно в схимника. Наука – это девяносто процентов его жизненных приоритетов. Дети, жена, семья, родители, искусство, политическая и социальная обстановка в стране и в мире и прочие нормально-человеческие интересы – десять процентов. Я себя тешу – десять процентов, а возможно, и того меньше. Как я живу с таким фанатиком-эгоистом?

Аналогичный вопрос можно задать супругам гениальных писателей, художников, режиссеров и ученых всех профессий – любых гениев. Правда, гении бывают липовые, а женское служение остается истовым. Если отбросить тех жен, что еще при жизни супругов примериваются к роли вдовствующей наследницы – как они будут делиться воспоминаниями, раздавать интервью. А пока терпят-терпят и любовниц, и то, что душевная привязанность мужа, его серд-

це, мечты и страсть принадлежат другим. Против «других» у них есть мощное оружие – штамп в паспорте. Если отбросить этих меркантильных любительниц пиара и спросить героических терпивиц, как они выносят дурной нрав, бытовую беспомощность, оголтелый эгоизм своих избранников, то другого ответа, кроме: «Мне с ним интересно», они не услышат.

В отеле было много соотечественников, и российские детишки на пляже быстро заняли доминирующие позиции, оттерев в сторону немцев, англичан и прочих французов. Нашим дочерям – десятилетней Лизе и пятилетней Вике – наскучило играть с ровесниками и они захватили в плен трехлетнего Саввушку. Лёня говорил, что у девочек проснулся материнский инстинкт. Саввушка мог разбудить подобный инстинкт даже у сухой коряги.

Все маленькие дети умилительны и трогательны. Но ничто в жизни, даже детская непосредственность, не бывает одинаковым, в равной степени. Саввушка тогда был очарователен в высшей степени, до полного растворения сердца. Большеголовый, с прямыми плечами, твердыми ножками, он еще не потерял младенческую пухлость, а крепкий скелет уже начал формироваться. Он был похож на маленький коробок и коренастой фигурой зримо отличался от прочих стройненьких трехлеток. У Саввушки были огромные, непропорционально большие даже при широких скулах се-

ро-голубые глаза. Эти глаза смотрели на вас, на море, на сосны за пляжем – на мир с непередаваемой верой, надеждой и ожиданием чуда. Мне даже становилось неловко – в этих глазах купаешься, как в чистом источнике, – и подчас охватывала грусть: жизнь сурова, и когда-нибудь она смоет из серого-голубого родника веру в чудо, в то, что все люди прекрасны и желают добра, что самому тебе покорятся любые вершины и все океаны будут по колено.

Саввушка уже начал активно говорить, но картавил, шепелявил и перевирал звуки. Как всякий ребенок из интеллигентной семьи, воспитанный высокообразованной бабушкой, редко бывавший в компании старших ребят, он употреблял в речи умные взрослые слова. Было потешно, когда Лиза и Вика их расшифровывали. Девочки научились переводить с «саввушкиного» на русский быстрее меня. А попробуйте понять, что «несуфифно» обозначает «несущественно», а «сисико» – «восхитительно». Малыш легко и с энтузиазмом откликался на любые занятия, предлагаемые девочками. Они строили из песка крепости, выкладывали гальками «дорогу волшебных фей», плескались у берега с мячами и подныривали под надувные игрушки.

С родителями Саввушки первые два дня мы раскланивались издали, топчаны находились в разных концах пляжа. Мол, наши дети играют вместе, все под контролем, но знакомиться, вступать в общение никто не стремится. Отложив книгу, я наблюдала, как дочери распределяют роли старшей

и младшей няньки-гувернантки. Уже бывало, когда Лиза и Вика, вцепившись друг другу в волосы, выясняли, кому соллировать, а кому на подпевках голос подавать. Но тут, не иначе, как излучение Саввушкино подействовало, девочки нашли компромисс, и все их игры были до странности спокойными. Маруся, в свою очередь, естественно, контролировала, что происходит с сыном. В чем мы с ней сходимся, так это в том, что нас в первую очередь волнует реакция наших детей, а не их раздражитель. Кто тебя обидел, ударил, наврал тебе, напакостничал – дело десятое. Главное – как ты повел себя, твои реакции, которые нужно до известной степени контролировать.

На третий день Глеб подошел к нам, представился несколько чопорно:

– Отец Саввы, Глеб Крушинин. Не возражаете, если в недалекий заплыв возьму ваших девочек вместе с сыном?

Я только успела ответить: «Да, конечно!», как грубо встрял Лёня. Он читал на планшете. Для него этот отель был хорошим, потому что везде имелся вай-фай и можно было знакомиться с материалами в зарубежных научных журналах.

– Кретин! Остолоп! Неуч! – рявкнул Лёня.

– Простите? – напрягся Глеб.

Лёня поднял глаза и продолжил мысль:

– Он митохондрии от лизосомы отличить не может.

Митохондрии спасли ситуацию.

Глеб улыбнулся и уточнил свои намерения:

– С вашими девочками. Двадцать метров от берега. Безопасность гарантирую.

Лёня понял свою промашку и извинился в присущей ему манере:

– Станут тонуть, звоните.

Глеб шутливо раскланялся и в окружении детей пошел к морю. Глеб – это два метра великолепной мужской плоти. Спортом он не занимается, но, глядя на его фигуру, легко представить: подкачай он мышцы, стал бы отличной моделью для скульпторов, ваяющих мужественных борцов всех времен и народов. Лицо у Глеба крупной лепки: лоб, нос, скулы, подбородок копытом – все большое. Серые глаза, такие же у Саввушки, смотрят с каким-то предупреждающим прощением, словно Глеб заранее готов к чужой бестактности. Но Глеб не производит впечатление могучего добряка, в нем чувствуется и сила, и угроза. Мол, простить-то я прощу, но до определенной границы, а за этой границей вам мало не покажется.

Потом в ресторане, обедая, мы сели за один столик, и наши дети вели себя как великосветские отпрыски. Лиза с Викой изображали благородных барышень, утирали рты салфетками, правильно орудовали ножами и вилками, не клали локти на стол, не сутулились и не канючили, что, мол, опять в салате сладкий перец, который они не переваривают. Маленький Саввушка чутко и трогательно подыгрывал

девочкам. Маруся с Глебом и мы с Лёней давились от смеха, но включились в этот потешный спектакль. В прибрежном ресторане, где столики были вкопаны в песок, стен не имелось, а крыша представляла собой навес, покрытый пальмовыми листьями, разыгрывалась сцена из жизни аристократии. Разогретые после пляжа, купания в изумрудном, теплом и ласковом море, находясь в тенишке, а вокруг, куда ни повернись, буйство зелени, благоухание цветов, пиршество красок, мы пребывали в редком состоянии абсолютного блаженства. Рай! Отдых как смена занятия – это ерунда, даже для Лёни. Отдых – это растворение. Тела – в тропической неге, мозга – в благодушном спокойствии. Наши родители здоровы, дети ведут себя ангельски, служебные проблемы подождут.

Лиза и Вика попросили у тети Маруси разрешения уложить Саввушку, который еще спал днем. Почитать ему книжку, рассказать сказку и тихо удалиться из номера. Маруся позволила. Выскочив из-за стола, смольнинские барышни превратились в диких индейцев – неслись к отелю с визгами и воплями. А мы наконец рассмеялись в голос.

Мне всегда хотелось иметь сына. Пол ребенка определяет только отец, его половые хромосомы. С мужьями мне повезло, а с их хромосомами не очень. Меня удручало сознание, что дочерям придется пройти путь, сходный с моим. Надежды, разочарования, зов плоти и ее месть негданной бере-

менностью, желание заниматься любимым делом, ковать карьеру и неосуществимость стремлений. Какие статьи, опыты, исследования, когда ребенок не успел переболеть ветрянкой, а теперь подозрение на скарлатину? Мальчикам, юношам, мужчинам проще. Вот Лёня. Прет как танк в свое удовольствие. Чужое удовольствие, как и чужие сложности-проблемы, его не волнуют. Чтобы Лёня-танк перешел в другую колею, недостаточно снять его руки с рычагов, а ноги с педалей газа и тормоза. Танк еще долго будет катить по инерции. Его можно остановить и переориентировать только взрывом малой мощности – чтобы танкист не пострадал, но встряхнулся, одумался и делал то, что нужно не науке, стране и вселенной, а собственной семье.

Маруся заговорила о наших девочках. О том, что они очень разные, но удивительно дополняют друг друга. Старшая Лиза очень похожа на Лёню, а младшая Вика – на меня. Новым знакомым мы не стали объяснять наши семейные обстоятельства: отцы у девочек разные, и Лиза биологически никакого отношения к Лёне не имеет. В свою очередь, я разразилась одой Саввушке, абсолютно искренне им восхищаясь. Польщенные родители отнекивались: «О, вы еще плохо его знаете! Совенок – крепкий орешек».

Чистая правда.

Несмотря на трогательную открытость, природное человеколюбие, Савва может жить только по правилам и не пере-

носит никаких изменений планов. Если сказали, что на ужин будет курица с рисом, а подали рыбу с картофельным пюре, он не станет есть незапланированное блюдо, и никакие уговоры, обещания не помогут. Ляжет спать голодным, а утром первым делом спросит: «Где курица?»»

3

Саввушка – моя третья и последняя любовь к мужчине как к личности.

Вторая личность – Лёня – настолько самодостаточен, что чужие чувства ему требуются исключительно для удовлетворения бытовых и физиологических потребностей. Как диван требуется для сна, вода для питья – на голом полу спать жестко и неприятно, без воды измучаешься от жажды. Но все это лишь антураж, оболочка, которые слабо влияют на процессы, происходящие у ядра.

Помню, в начале нашего романа, в минуту упоения своими ощущениями я стала говорить Лёне, какой он прекрасный, как вдохновительно хорошо мне с ним.

Лёня слушал-слушал, а потом заявил:

– Понял, в чем была ошибка в том опыте. Надо применить другой окислитель.

Конечно, Лёня был влюблен в меня, сражался, добивался и крушил все на своем пути. Но с таким же упорством он доставал бы какой-нибудь супермикроскоп или центрифугу. Получил, установил, аппарат функционирует, можно работать дальше.

Личность номер один, мой первый муж Руслан, по большому счету, личностью оказался серенькой, но она была упакована в восхитительную обертку.

Мне было двадцать три года, я блестяще окончила университет и поступила в аспирантуру. Дело происходило в моем родном Новосибирске. Я была умна, хороша собой, остроумна до язвительности и честолюбива до снобизма. И зовут меня Венера.

Папа настоял. Мама была против: приедем в деревню к бабушке с дочкой Венерой, засмеют, девочку дразнить будут. Тогда папа составил список имен, которые так же могли быть присвоены долгожданному ребенку. Сюзанна, Жаклин, Дороти, Ифигения, а из русских – Филена, Анималиса и Васса. Папа предложил тянуть жребий, мама испугалась, что дочь будет Анималисой или Ифигенией, и согласилась на Венеру. До четырнадцати лет меня звали Верой, до сих пор так зовут друзья детства. В четырнадцать лет я прочла «Ромео и Джульетту» Шекспира. Поэтические красоты, высокие идеи меня не растрогали, но возникла зависть к Джульетте. Моя ровесница, а сколько страстей, какая любовь! У меня же скучные будни: контрольная по математике, изложение по русскому, волейбольная секция, музыкальная школа – нудятина. Но хоть имя-то у меня по документам незаурядное. Поэтому теперь я не Верка, а Венера! После объявления о смене имени один из мальчишек, добивавшийся моего расположения открыто и нахально, двоечник и хулиган, заорал на весь класс: «Я ее люблю! Она мое венерическое заболевание!»

С детсадовского возраста вокруг меня вились мальчишки,

их обожание я считала само собой разумеющимся. В определенном смысле они меня испортили. Иногда я шучу: «Все лучшее у женщины от родителей, все худшее – от мужчин». В каждой шутке есть доля шутки. Только доля. Например, я не умею кататься на коньках. Когда мы приходили на каток, мальчишки сражались за то, кто будет «катать Верку». Занимали очередь, брали меня под руки и возили по кругу. Другие девочки завидовали, а что еще нужно сопливой премьерше?

Нужно быть не только самой красивой, но и самой умной, тем более что учеба дается легко. Поэтому к нематериальной славе первой красавицы я добавила еще и задокументированную в школьных табелях доблесть круглой отличницы.

Ко времени «выходить замуж» мое самомнение и честолюбие разрослись до громадных размеров. Когда очередной «такой хороший мальчик» получал от ворот поворот, мама и папа сокрушались: «Кого еще тебе надо?» Если бы я знала! Сердце спало и не откликалось на ухаживания «хороших мальчиков». Мой избранник должен был быть определенно особенным, не как у всех, мой принц обязан быть всем принцам принц.

Старшая дочь Лиза сейчас в определенной степени повторяет мой путь. И меня бесят ее характеристики ребят: этот – отстой, тот – козел, Петя недоумок, Игнат придурок.

– А ты у нас царица полей и огородов! – разоряюсь я. –

Знаешь, что с царицами происходит? Они выходят замуж за свинопасов! Вроде твоего отца.

Лёня, не отрывая взгляда от монитора компьютера (вроде бы поглощен чтением и в разговоре не участвует), бросает мне:

– Вслушайся, что несёшь!

Это была компания, куда привела меня подруга. Второй день свадьбы, когда собирается только молодежь и гудит без оглядок на старшее поколение. Приходи, кто хочет, а уж я тогда вполне сошла бы за свадебного генерала на девичий лад. Вся из себя красивая и умная, мужскому стаду бой копытами обеспечен.

Мы стояли с подругой лицом к лицу, потягивали коктейль из высоких стаканов. И вдруг у нее распахнулись глаза и стали наполняться восторгом. Она смотрела куда-то мимо моего уха и бормотала: «Как он красив! Настоящий бог!»

Я помню свои ощущения за секунду до того, как обернулась. Предчувствие чуда, ожидание бога. Словно, пробив три этажа панельного дома, из земли в меня ударила горячая струя. Я повернулась, и струя от разочарования не схлынула, не ушла обратно в землю, а завихрилась, растапливая каменную защиту моего сердца. Руслан был очень красив.

Руслан и Лёня рядом – это как Ален Делон и Луи де Фюнес. Я люблю старое кино, иностранное и отечественное, со-

брала хорошую фильмотеку. Эти картины – отличная эмоциональная релаксация с элементами интеллектуального посыла. В современных женских романах, детективах и сериалах интеллектуальная составляющая отсутствует начисто, а одними эмоциями живут только духовно скорбные люди. Однако мои сравнения бывают не понятны людям, не копнувшим в киноискусстве глубже «Звездных войн», «Кинг Конга» и «Красной Шапочки». Про «Морозко» они не слышали, «Большую семью» Хейфица или «Гамлета» Козинцева не видели.

Ален Делон – эталон мужской красоты. Луи де Фюнес – носатый юркий заморыш.

Я блистала в тот вечер. Я всегда блистала. Тогда – вдвойне, меня несло на волне восхищения принцем, которого нежданно встретила, но на которого упорно не смотрела. Я остроумничала на полную катушку. Из меня сыпались шутки всех видов: детские, язвительные и фривольно двусмысленные; каламбуры легкие для понимания и те, которые оценить можно, только обладая хорошим литературным багажом. Я превратилась в центр внимания, я купалась в обожании, которое источали молодые мужчины и юноши. Какие-такие жених с невестой? Про них забыто. На небосклоне ярко сияет звезда Венера.

Мне сейчас по-настоящему стыдно и горько за себя прошлую. За то, что была настолько слепа и глуха, самовлюб-

ленна до бесчувственности. Я не видела вокруг других женщин, девушек и отроковиц, вступающих на скользкий и су- ровый путь женской судьбы. Я легко, изящно и убийственно гасила их попытки заявить о себе.

Маруся, я уверена, никогда себя не вела подобным обра- зом. Хотя по части внешности, манер она мне может дать большую фору.

Руслан был обречен. Мое премьерство его контузило, а дальнейшее развитие событий эту контузию только усилива- ло. Но ведь и я была влюблена! Впервые в жизни, истомив- шись в ожидании чуда, бога. И когда бог меня обнимал, це- ловал, я уносилась в параллельное пространство, где земные бытовые ценности теряют смысл. Мой бог женат, у него ре- бенок. Жена, ребенок? В нашей вселенной таких планет нет.

Он женился очень рано, сразу после школы, на своей од- нокласснице, и вскорости у них родился ребенок. Мальчик Петя. Жена Руслана – педагог, учительница русского языка и литературы. Сам Руслан – музыкант, альтист.

Руслан ухаживал красиво – цветы, приглашения на кон- церты, гуляния при луне, стихи. Это был единственный пе- риод в моей жизни, когда я не ходила, а летала, не спала, а парила, и люди вокруг не говорили, а пели, и солнце не све- тило, а смеялось, и дождь не лил, а дурачился.

Я забеременела, Руслан ушел из семьи, развелся. Мальчик Петя писал на нашей двери похабное: «Здесь живет б...».

Учительница забрасывала нас письмами, в основном поэтическими. Стихотворение Цветаевой «Еще вчера в глаза глядел...», раздраженное на четверостишья, пришло несколько раз.

У меня токсикоз жесточайший, а из почтового ящика папа приносит послание, строчки в столбик:

Я глупая, а ты умен.

Живой, а я остолбенелая.

О, вопль женщин всех времен:

«Мой милый, что тебе я сделала?!»

Надо сдавать план диссертации, а тут мама горюет над очередным:

Детоубийцей на суду

Стою – немилая, несмелая.

Я и в аду тебе скажу:

«Мой милый, что тебе я сделала?»

Меня поразила эта поэтическая бомбардировка. Но поразила вовсе не глубиной страданий Учительницы, а тем, как она великое стихотворение использовала. Любые страдания меркнут, когда рядятся в пошлость. По вульгарности и безвкусице подобную выходку я могу сравнить только с постером, который видела в туалете наших соседей. Представьте: «Мона Лиза» с ее знаменитой полуулыбкой, с усталой муд-

ростью и одновременно с ожиданием чувственных открытий – красуется над унитазом! Наверное, чтобы мужчинам было приятнее мочиться.

Как-то успокоилось, затихло, заилилось. Рождение Лизы (мой папа предлагал назвать ее Афродитой, чтобы традиция привилась) переродило и меня. Я стала другой. Осознала, что кроме меня есть другие люди, что их боли, желания, стремления, мечты ничуть не менее ценны, чем мои собственные. В порыве прекрасноты даже была готова объясниться с Учительницей, с мальчиком Петей, попросить у них прощения и призвать к миру во всем мире. Но, по слухам, в тот момент Учительница вступила в интимную связь с прорабом из фирмы, ремонтировавшей школу, у которого было пять детей от трех разных жен. Руслан отговорил меня от поступка в духе героев Достоевского.

«Я стала другой...», «перерождение» – звучит возвышенно и неубедительно. Однако нельзя выносить ребенка, пережить кошмарную боль выталкивания его из себя и остаться прежней личностью. Рождение ребенка – это и твое перерождение. У каждой – свое. У меня – как растворение наносных красок. Взяли ацетон и смыли с дерева грунтовку и покраску, до бежевой белизны смыли, до срезов, до природных годовых колец.

Моя повивальная бабка – маленькая беспомощная Ли-

зонька, полностью зависима от меня или от других: бабушки, прабабушки, отца, дедушки – любого, кто будет ее кормить, пеленать, купать, убаюкивать. И все мы, становясь взрослыми и самостоятельными, сохраняем частицу беспомощности, и нас тоже нужно лелеять и беречь, присматриваться к нам, ловить наши горести и стараться их развеять. А я, прежняя, ни к кому не присматривалась, в том числе к родителям, не ловила сигналов тревог от подруг, жила, упиваясь собственным великолепием и совершенством. Мне потребовалось стать матерью, чтобы понять, какой эгоцентричной я была. Впрочем, если вы сравните любую женщину – до материнства и после, – увидите разные личности.

Много лет спустя, я говорила об этом с Марусей, и она согласилась со мной в том, что материнство влияет на психику и душевный склад женщины.

– Но не кардинально, – добавила Маруся. – Я сомневаюсь в том, что жадина вдруг может стать добрячкой, лицемерная ханжа – альтруисткой, кокетка легкого поведения – добродетельной матроной. И когда ты рассказываешь о себе в юности как об эгоистичной особе с задраннным носом, я тебе до конца не верю. Ты, Венера, очень самокритична. И еще: у тебя, наверное, был комплекс отличницы – все, что касается тебя, должно быть на пять с плюсом. Потом этот комплекс растворился, но самокритичность осталась. У тебя ведь всегда были подружки, в которых ты души не чаяла? А это вер-

ный признак того, что ты кому-то дарила и теплоту, и участие, и заботу. – Маруся неожиданно рассмеялась: – У тебя такое лицо, Венера! Словно я отобрала у тебя медаль. Извини! Ты думала, что на ниве самосовершенствования доби- лась выдающихся результатов, и тешилась наградой, а тут я. награда выдана ошибочно.

– Вот именно, – буркнула я. – Не отдам медаль!

– И не отдавай!

Руслан был хорошим человеком, в меру хорошим. В нем все вообще было в меру и ни граном больше. Он был очень стабильным, ни шага влево или вправо. Единственный безумный поступок – женитьба на мне. Руслан играл в симфоническом оркестре. Пришел на репетицию или на выступление, поиграл – стабильно, правильно, как нравится дири- жерам, – надежный член команды. Положил альт в футляр, вернулся домой и забыл про концерт. С таким же успехом он мог бы точить деревянные ложки. Наточил норму, станок выключил и пошел домой. Я люблю музыку, но как исполни- тель (выступал в квартете или в трио) Руслан мне никогда не нравился. Серенько, по нотам, точно на выпускном экзамене в музыкальной школе. Хулиганисто задорные пьесы Моцар- та или романтические до головокружения вальсы Штрауса в его исполнении звучали как отполированные гаммы. Есть люди, не умеющие рассказывать анекдоты. Они не переви- рают текст, но в их изложении самый смешной анекдот не

вызывает улыбки. Так и Руслан играл – чисто, но скучно.

Благодаря моей маме через год после рождения Лизы я смогла вернуться к занятиям наукой, закончить опыты, написать статьи, подготовить диссертацию. А серенький Руслан все пиликал на альте, халтурил на концертах. Мои родители его любили, а на меня поглядывали с затаенным страхом, который казался мне нелепым. Разочарование в муже – не бог, а тусклый ангел, – меня, перерожденную, не подвигало на поиски нового счастья. Мне не требовалось новых страстей, взрывов эмоций. Есть Лиза, и еще хочу родить мальчика. Есть Руслан, до дубовости стабильный и надежный. Рожденный ползать летать не может. Но ведь и я, по большому счету, не жар-птица, как бы ни заблуждалась на этот счет в юности. Есть дело, наука – мысли, теории, задумки опытов. Чего еще желать?

Я не рассталась бы с Русланом, не встретить мне Лёня. Леонид Борисович Ганин.

4

Конференция в Санкт-Петербурге. Я прилетела из Новосибирска, Леонид Борисович приехал из Москвы. В кулуарах меня представили ему, лысоватому коротышке.

– Венера Павлова? Читал вашу статью. Неплохо, но как-то... – покрутил в воздухе пальцами, – провинциально.

И пошел дальше знакомиться с участниками конференции. Я задыхнулась от возмущения: «Ну, гад! Ты у меня получишь!»

Лёня делал доклад. Доклад произвел фурор, справедливо произвел, но я была не из тех, кто аплодировал. Области наших исследований пересекались. Как один круг заходит за другой. Лёнин круг громаден, мой крохотен, но у них все-таки есть общая площадь. Эта область и стала целью моей атаки. Я задавала вопросы, Лёня отвечал. В силу того, что область была не исследованной, его ответы не могли быть точными и доказательными. Я же иезуитски каждый следующий вопрос предваряла комментариями: «Из вашего ответа не следуют выводы, прозвучавшие в вашем докладе... Это не факты, а теория. Теоретический диспут в соседнем зале... Все это свидетельствует о попытке построить замок из песка». Лёня вспотел, своими вопросами я его расстреляла. Пуля дробью, но под градом мелких пуль вертится даже бегемот.

Лёня подошел ко мне в обеденном перерыве:

– Чего вы добивались своими глупыми вопросами?

– Они не глупые, а провинциальные, – ответила я. Демонстративно промокнула рот салфеткой, встала из-за стола, оглянулась по сторонам. – Где тут носик попудрить?

На следующий день Лёня пришел на заседание нашей секции, чего он, без пяти минут доктор наук, самый молодой доктор, гений и светила, не должен был бы делать, да и тема наших дискуссий лежала в стороне от его научных интересов. Гигант науки нас загипнотизировал, о программе семинара забыли. Лёня говорил страстно, парадоксально, безумно интересно, волшебно – так, что хотелось бросить все: родителей, семью, детей – и посвятить себя чистой науке. Это был морок, который захватил не только меня, а еще десяток молодых ученых из разных институтов. Вместо положенных двух часов мы просидели пять, без обеда и с готовыми разорваться мочевыми пузырями. Выходили из аудитории, пошатываясь.

Передать на бумаге мастерство оратора невозможно. Застигнутая врасплох великолепная речь не производит того впечатления, что рождается под воздействием мимики, жестов, интонаций, пауз – актерского таланта. Кроме того, чтобы понять суть выступления Лёни, нужно владеть знаниями микробиолога. Я могу только привести образное сравнение.

Мы живем в закрытом пространстве, в стенах квартир.

Мы ходим по коридорам улиц, ограниченных зданиями. Ездим в железных банках – в автобусах, троллейбусах, в автомобилях. Мы выбираемся на природу, и в лесу нас окружают деревья, за которыми не видно горизонта. На море или в степи пейзажная картина, точно объемное фото, впаяна в те рамки, что способен удержать наш глаз. А теперь представьте, что приходит человек и рушит все стены, заборы, отодвигает горизонты и многократно увеличивает возможность ваших глаз охватывать пространство. Вам открывается другой мир. Не холодный безжизненный космос, а мир блестящий, дышащий, пахнущий, постоянно меняющийся. И в этом мире вы – исследователь, секреты и загадки мира не тайны за семью печатями, ответы лежат на поверхности, нужно только уметь мыслить безынерционно, нешаблонно, смело и подчас безумно. Мыслить весело и азартно.

Пафос Лёниных речей и в базаровском «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник», и в непоклонении природе как храму, и в обескураживающем азарте, с которым некоторые жестокие дети вспарывают лягушку, чтобы посмотреть, где у нее сердце, или вырывают по перышку из крыла пойманной птицы, чтобы понять, без каких она летать не сможет.

Именно так – до шока смело – говорил Лёня.

Он обладает даром оратора и талантом ученого-исследователя – редкое сочетание. Чаще всего хорошие «разговорники» не особо блещут в науке. Но честь им и хвала – они

отличные популяризаторы. Если бы существовал такой фантастический обмен, то я бы за одного популяризатора давала десяток заурядных протирателей штанов. Благодаря «разговорникам» к науке приобщаются простые люди, прежде находившие интерес только в пошлых сенсациях из жизни звезд и прочих медийных личностей. А самое главное, популяризаторы могут разбудить интерес у юношества, увлечь наукой способных ребят. Среди способных произойдет отбор на самых способных, среди последних – на талантливых, потом – на гениальных. Но ведь кто-то должен был дать толчок, запалить огонек интереса. Большинство моих студентов и аспирантов разговаривают как приבלатненные тинэйджеры. Их вокабулярий – осовремененный вариант словарного запаса Элочки-Людоедки. Но среди этих ребят есть очень перспективные личности.

Талант оратора и ученого – это уже колоссально много, на остальное природа не тратилась, создавая Лёню.

Когда мы выходили из аудитории, он, на секунду отвлекшись от вопросов, которые ему задавали особо настырные молодые ученые, захватил мой локоть и шепнул на ухо:

– Жди меня за углом, направо, где табачный киоск.

Так шепнул, что все прекрасно слышали.

Конечно, я могла не пойти на это по-хамски назначенное свидание. И понимала прекрасно: пойти – значит предать свою семью, Руслана. Однако пошла, поплелась, потащилась,

поволоклась... Единственное, на что хватило моей гордости, не заявиться первой, стоять за углом и наблюдать, как Леонид Борисович пританцовывает на месте от холода и крутит головой по сторонам. Когда он посмотрел на часы, явно намереваясь покинуть пост, я вышла из укрытия.

– Околел как цуцик, – первое, что сказал мне Лёня, – голоден как китайский раб.

А потом, точно мы давно знакомы и связь наша длится не первый год, обрисовал планы:

– Где-нибудь перекусим. Я остановился у приятелей, уже позвонил им, заночуют у родителей, квартира в нашем распоряжении.

Вот так просто – перекусим и в койку. Ни тебе объяснений, ни цветов, ни ухаживаний. Спасибо, хоть попросил друзей удалиться, не привел меня, девушку на ночь, в чужой дом, не вынудил смотреть в глаза людям, понимающим мою незавидную роль. А дальше, до самой койки, были разговоры все про ту же самую генетику.

Считается, что женщина любит ушами. Возможно, это верно. Тогда придется признать, что у меня в слуховых отверстиях стоят фильтры, не пропускающие милых нежных признаний, а исключительно – микробиологические премудрости.

Для Лёни те вечер и ночь были интрижкой в командировке. Для меня – грех, который замолю верным служением Рус-

лану. Не вышло ни у Лёни, ни у меня.

Утром Лёня сказал мне:

– Похоже, мы влипли нешуточно.

Острая на язык, я не нашла, что ответить. Потому что это была не просто интрижка, не разовый грех, а начало революции – в душе, в привычном укладе, в судьбе. Революция – это смена правящих классов, это разрушить до основания, а затем... А что затем?

5

Через два месяца Лёня позвонил мне в Новосибирск:

– Прилетаю, изобрел командировку. Гостиницу заказал.

Скоро буду, не мойся!

Он блистал остроумием, подражал Наполеону, который слал Жозефине после сражений письма: «Приезжаю через три дня. Не мойся!» Наполеон приходил в возбуждение от натуральных женских ароматов. Можно только представить, чем разило от самого императора.

Мы, конечно, мылись, не благоухали первозданно. Но минуты близости были по-царски великолепны.

В нашем институте, в моей лаборатории Лёня с ходу всех очаровал, обаял, накидал идей. При этом даже не пытался скрыть своего особого ко мне отношения. Мог прилюдно поцеловать, обнять, пощекотать. Императору все позволено.

Наш роман стал достоянием общественности, и скрывать его от Руслана было глупо и оскорбительно.

Я призналась. Мужу и родителям:

– Люблю другого мужчину. Ничего не могу с собой поделать.

Руслан-тугодум не понял сразу и глупо спросил:

– Зачем любишь?

– Ради карьеры! – разозлилась я на него.

Мама и папа молча встали и вышли из комнаты.

Мне было очень стыдно и горько, я в очередной раз причинила им боль.

– Венерочка? – вопрошал растерянный муж. – Я ведь для тебя всем пожертвовал...

– Давай будем считаться!

Я смотрела на дверь комнаты, в которой скрылись родители, и чувствовала себя последней дрянью. Перед родителями, дочкой Лизой, коллегами, Учительницей, мальчиком Петей и перед мужем, конечно.

– Руслан! Если мы будем считаться, то неизвестно, в чью пользу будет счет, и ты услышишь много неприятного.

– Не понимаю! Что значит твое заявление? Какие последствия?

Ему всегда хотелось жить как страусу, зарывшему голову в песок. Кстати, страусы никогда в землю голову не прячут, но такой уж образ.

– Не знаю, – ответила я мужу.

– А зачем тогда рассказала?

– Не знаю! – рявкнула я. – Чтобы не выглядеть подлой изменщицей. Чтобы сохранить малость самоуважения. Чтобы свои страдания разделить с вами. Выбирай любой ответ. Руслан! Я вчера спала с другим мужчиной. И раньше, в Петербурге. И сегодня к нему пойду. Я люблю его. Я не знаю про будущее, но я не хочу врать. В отличие от тебя, запаянного в кожу крокодила, хоть сапоги шей, сносу не будет, мой

покров тонок, и вранье убийственно для моего честолюбия.

– Кто крокодил? Я крокодил? Из меня сапоги?

– Прости, неудачное сравнение.

– Ты пойдешь к нему? Куда?

– В гостиницу. Почему тебя волнуют глупые частности, когда жена заявляет, что любит другого мужчину?

– А меня не любишь?

– Нет!

Рывком вскочила с дивана, подошла к двери Лизиной комнаты, взялась за ручку, чтобы открыть. И застыла.

Мама и папа читали с внучкой «Мойдодыр».

– А нечистым трубочистам... – басил папа.

– Стыд и срам, – подхватывала Лиза, – стыд и срам!

Я не вошла к ним, развернулась и ушла из дома. Стыд и срам – это про меня.

Месяц после отъезда Лёни я прожила, существуя не на твердой земле, а трепыхаясь в болоте. На работе на меня поглядывали. Коллегам был не ясен мой статус: то ли у этой девушки большие столичные перспективы, то ли она проходной вариант московского светила, у которого по женской части неизвестно какая репутация.

Есть старый славный фильм «Салют, Мария!» с изумительной Адой Роговцевой в главной роли.

Мария влюбляется в испанского моряка, ее мама в ужасе

произносит:

– У него ведь в каждом порту по девке!

Леонид Борисович производил впечатление человека, у которого в каждом институте микробиологии, российском и зарубежном, – по пассии.

Приятельницы, с которыми я прежде сплетничала, дулись на меня: не рассказывает о романе с Леонидом Борисовичем Ганиным. Пересказывать малочетные подробности не хотелось, а будущее было в тумане.

Руслан находил утешение в старой семье. Учительница и мальчик Петя приняли и обогрели его. Строя из себя законного мужа, Руслан приходил ночевать домой, а все дни проводил у них. Утешен, не зудит и не упрекает – большего мне не требуется. Мама и папа вели политику невмешательства и неразговаривания – вздорную дочь вырастили, уж ничего не поделаешь, но есть внучка Лиза – главное страдающее лицо, ей максимум внимания.

Бессонные ночи меня вымотали, похудела на семь килограммов, под глазами легли фиолетовые тени. Измождение физическое и психическое. Так и в ящик сыграть недолго. Полнейшая неопределенность. Лёню проводила в аэропорту, он мне ручкой помахал и сгинул, не звонил.

Лёня не любит телефон. Пользуется им, естественно. Выдает звонок в случае необходимости, разговаривает телеграфно. Телефонное красноречие не его жанр, по телефону

у него не получается морок навести.

Меня швыряло: из костра желаний в ледяную прорубь реальности. То строила планы нашей совместной жизни, то ужасалась: «У него в каждом порту по девке!»

Когда он позвонил, метания закончились, я пребывала в стадии «отмывания и высыхания»: в болоте опустилась до дна, наглоталась зловонной жижи и приказала себе оттолкнуться от тверди, карабкаться-всплывать и продолжать жить в существующих обстоятельствах. Как-нибудь устроится. Руслан уйдет – и флаг ему в руки. Родители простят, на то они и родители. На работе мою аморальность рано или поздно забудут, если я стану выказывать большое научное рвение. Наука теперь мое спасение.

6

– Алло! Планета Венера? Я тебе замастрячил командировку на Землю, в точку под названием город Москва, – бахвалился Лёня.

Надо заметить, что ни у него, ни у меня тогда не было и не просматривалось материальной возможности тратиться на дальние перелеты через всю страну по выходным к объекту любовной страсти.

– Знаешь, что я о тебе думаю? – спросила я со сдерживаемой яростью.

Любой другой нормальный человек, потративший много сил на командировку для любовницы, пускавшийся в интриги, прежде им презируемые, оскорбился бы. Он себе на горло наступил, а она выкаблучивается.

Но Лёня не любой и не каждый.

– Знаю, – ответил он. – Тут вокруг меня человек десять. Приветствую, Сан Саныч! – с кем-то поздоровался Лёня. – Если ты не прилетишь, то я тебе сейчас начну перечислять, куда мечтал тебя поцеловать...

– Не надо! – испуганно воскликнула я.

Он перечислил бы, сомневаться не приходится.

– Прилетаешь?

– Да.

Лёня отключился.

Это был юбилей большого академика и Лёниного учителя. На торжество слетались ученые со всей страны. В нашей академической среде чиновничество-уважение строже, чем в армии. Про армию, откровенно говоря, я плохо знаю, но в науке без этого нельзя. Учитель, школа, направление, менторский пригляд – основа движения молодого ученого, да и немолодого тоже.

И вот теперь представьте! Из Новосибирска, из нашего института, где докторов наук – достойнейших! – десяток, на юбилей патриарха отечественной микробиологии летит в столицу директор института и... малоизвестный кандидат наук, какая-то Венера Павлова.

С Директором до этого я лично общалась один раз – когда он поздравлял меня с кандидатским званием и вручал диплом. Он оказался симпатичнейшим дядькой. В самолете признался, что страдает аэрофобией, то есть панически боится летать.

– С вашего позволения, – сказал Директор, – я сейчас напьюсь до бесчувствия.

– Конечно! – скрыла я оторопь за дежурной улыбкой. – А когда вас разбудить?

– За полчаса до прибытия. Вас не затруднит?

– Нисколько.

– А может, вместе со мной примете... снотворное?

– Спасибо! Я люблю перелеты и легко их переношу. Над

облаками хорошо думается.

– Счастливый человек! – шумно вздохнул Директор и вытащил из портфеля бутылку виски.

Точно по графику я его растолкала. Это было не просто. Директор отталкивался, брыкался и называл меня Маней.
– Маня, уйди! Маня, сгинь! Маня, чтоб ты сдохла!

Жену Директора звали Марианной Моисеевной. В советские времена она была бессменным секретарем партийной организации. Сейчас – наш главный профсоюзный начальник. Не знаю, есть ли в других организациях профсоюзы, но в нашем институте профкомитет – нечто вроде Совета безопасности при Президенте России. Марианна Моисеевна имела сексотов в каждом подразделении, все обо всех знала и играла при муже роль серого кардинала. Ее боялись, подкупали, перед ней лебезили, на праздники в очередь выстраивались с подарками. Но я не припомню случая, чтобы интриги «Мани» кому-то достойному испортили жизнь или карьеру. Марианна Моисеевна была правильным серым кардиналом.

Директора встречали, а обо мне Лёня не побеспокоился. Он и так совершил героический поступок, обеспечив мне командировку. Венера, не маленькая, от аэропорта сама доберется. Куда? По телефону Лёня был недоступен. Он включал телефон по собственной надобности, а не по чужой.

И сейчас подобная картина. У нас дети! Мы должны быть постоянно на связи.

– Вот и будь, – говорит мне муж.

– Но со мной может что-то случиться, я не смогу ответить, приехать, разобраться в ситуации. Спасти их, наконец!

– Вероятность потери тобой сознания очень мала.

– Но она есть! А ты отец или где?

– Я при деле, а ты ерундой маешься. Мы с тобой выросли и неплохо сформировались, при этом мама с папой не держали нас на коротком поводке. Пусть сами учатся выпутываться.

– Изверг! Сейчас совершенно другие времена!

Но Лёня меня уже не слушал. Выдал необходимый минимум и отключился, уставился в монитор и пробормотал:

– Времена не выбирают, в них живут и умирают... умирают,дохнут... Ага! Дошли у него черви. Что и требовалось доказать!

Директор выслушал мое бормотание:

– Я до метро, тут рядом...

И пригласил в машину – черный гладкий автомобиль, похожий на обшлюявленный колпачок от шариковой ручки. Внутри были удобные кожаные сиденья, окна затемнены. Сквозь них мир смотрелся как из носилок какого-нибудь восточного набоба. Рабы несут носилки – многолошадный двигатель крутит колеса.

– Отвезем вас в гостиницу, – сказал протрезвевший ди-

ректор, – в которой Ганин вас легко найдет.

Он знал, все знали. Едет смазливая кандидат наук на случай к молодому столичному доктору наук...

Столько унижений, сколько мне доставил Лёня, я бы не заработала, даже трудясь в портовом борделе.

Я решила: в гостинице распрощаюсь с директором, сохраняя нейтральное выражение лица. У меня есть двоюродная тетя в Москве, к ней отправлюсь, маме позвоню, спрошу адрес. Тетю не найду? Есть две тысячи тридцать два рубля. Не хватит на гостиницу, буду ночевать на вокзалах, обратный билет на самолет имеется. А Леонид Борисович Ганин пусть катится на все четыре стороны...

Лёня наличествовал в вестибюле гостиницы, что-то вещал в кружке поселяющихся гостей, помахал мне издалека рукой. Мол, подожди, сейчас подойду.

Отошла в сторону и ждала.

Празднование юбилея состояло из двух действий: торжественной части, напоминающей большое собрание – сцена, президиум, трибуна, «слово предоставляется», и банкета в ресторане. Много круглых столиков, покрытых белыми, до хруста накрахмаленными скатертями, отличная закуска, большой выбор напитков. На подиуме установлен микрофон, к нему периодически подходят поздравляющие, в большинстве своем те же, что и на торжественной части, но стиль выступления свободнее, с элементами юмора, с шутками.

На банкете Лёня меня познакомил со своей женой. Понятно, что он не мог оставить ее дома, но я-то как-нибудь пережила бы без этого широкого застолья!

– Венера Павлова, – представил меня Лёня и слегка запнулся. – Э-э-э...

С него стало бы аттестовать меня черт-знает-как.

– Из новосибирской делегации, – быстро договорила я и протянула руку.

– Ляля.

Рука у Ляли была пухлой, бескостной, как у тряпичной игрушки. А имя-то! Ляля!

Как и большинство людей, я не лишена персональных предрассудков. Я терпеть не могу имя Ляля. Его носительница в лучшем случае вызывает у меня сожаление. Бедняжка ходит с кукольным прозвищем, отдающим инфантильностью, если не сказать имбецильностью. Ей забыли подсказать, что надо взрослеть.

Возможно, все дело в том, что в моей жизни была Ляля, горячо любимая.

До пяти моих годков была жива восьмидесятилетняя прабабушка, ее я называла бабушкой, а маму отца – Лялей. Бабушку я помню по запаху. Она была очень полной, много болела, не вставала с кровати, лежала на высоких подушках. Иногда подзывала меня пальцем, я забиралась к ней под одеяло, устраивалась под мышкой. И еще я пряталась у бабуш-

ки, напраказничав. Рядом с бабушкой было тепло, уютно, надежно, как в мягкой норке. Бабушка пахла по-особому, с тех пор запах тлена – старой мебели, книг, газет – меня не отвращает, напротив, вызывает приятные чувства.

Когда бабушка умерла, Ляля запретила мне называть ее по-старому:

– Ты уже большая, а я – тем более. Хватит лялькать!

Бабушка Лена была личностью легендарной. Геодезист по специальности, она провела много лет в полевых экспедициях, а потом возглавляла отдел в геологическом институте. По натуре добрую и сострадательную, бабушку Лену все считали злой и вредной. Потому что она никогда не деликатничала, могла прямо в лицо сказать человеку, что о нем думает.

Познакомившись с Русланом, бабушка поговорила с ним несколько минут, оборвала его на полуслове и ткнула в меня пальцем:

– Ты же генетик. Выбрала этого красавчика для полового размножения? Был бы экстерьер, а мозгов не требуется?

Руслан, что понятно, мою бабушку невлюбил. А Лёня ее не застал. Они бы сошлись.

У Мопассана есть новелла «Слова любви». Герой не выдерживает общения с любовницей, отравившись ее непомерными, неуместными нежностями – пусик, мой толстый котик и так далее.

Столетия не меняют женской натуры. Ляля Ганина – точь-в-точь мопассановская любительница пошлых сладостей. За весь вечер она ни разу не назвала мужа Лёней. Лёка и Лёсик – самое приличное. А когда я услышала: «Трютюхуська», то едва не уронила фужер.

Ляля мила и симпатична. Блондинка с круглыми глазками, похожая на собачку породы вест хайленд вайт терьер. Это такие озорные курносые милашки с ореолом белоснежной шерсти вокруг мордочки. Правда, маленький вест хайленд думает, что он грозный большой охотничий пес, а засахаренная до паточного истечения Ляля, судя по всему, способностью агрессивна, как и критично, мыслить не обладала. Я убеждена, что женщины Лялиного типа, нежные и трепетные, прекрасно защищены. В отличие от таких суровых и тонкокожих, как я или Маруся. Если в нас стреляют, то пуля легко доходит до сердца, а у Ляли пуля застрянет в коконе из сладкой ваты. Хотя внешнее впечатление противоположное: мы – оловянные солдатики, а Ляля – ранимая бабочка. Нас можно шпынять, а Лялечку надо беречь.

Я не собиралась обсуждать с Лёней его жену, но в гостинице, уже под утро, все-таки не выдержала:

– Как тебя угораздило жениться на этой карамельной болонке?

Лёня пожал плечами:

– Она работала у нас лаборанткой и отлично, очень чисто ставила опыты. Это редкое умение. Кроме того, объяснять женщине, почему ты выбрал в свое время другую женщину, непродуктивно и бесполезно.

– Почему у вас нет детей? – не унималась я.

– У меня? От Ляли? – совершенно искренне удивился Лёня. – Дети у меня будут от тебя.

Лёня болтун и красноречив, уютно женатый мужчина, для которого работа стоит на первом месте, поэтому его слова: «дети от тебя» – не более чем ни-к-чему-не-обязывающий комплимент.

Однако через месяц после возвращения домой я обнаружила, что беременна. Сообщить Лёне? Уподобиться женщине, которая ловит мужчину на веками проверенный крючок? Но Лёня не рыба, а кит, который крючков не захватывает. Скорее всего, Лёня удивится и не скроет разочарования: оказывается я все-таки дура, если звоню по такому поводу. И скажет что-нибудь вроде: «Это ведь не я беременный. Ты что, маленькая? Не знаешь, как в таких случаях поступать?»

Я решила оставить ребенка, как бы нелепо это ни звучало – назло. Всем назло: Лёне, Руслану, маме с папой, самой себе и собственной забубенной судьбе.

Лёня хранил молчание три месяца. Потом позвонил и сходу спросил:

– Слушай, а ты не беременна?

– Да.

– А чего молчишь?

– А ты чего? Как ты догадался?

В этот момент я ехала в маршрутном такси, и прочие пассажиры с интересом наблюдали за девушкой, по щекам которой градом льются слезы, но она изо всех сил старается говорить нейтральным голосом.

– Догадаться было не сложно, все-таки мы упорно трудились на данной ниве. Значит так, – засопел Лёня.

Я отлично представила, как он сейчас чешет затылок, складывает губы дудочкой и как будто пытается втянуть их ноздрями.

– Увольняйся, собирай манатки, – диктовал Лёня, – я развожусь, размениваюсь и тэ дэ. Как не вовремя ты залетела! У нас сейчас потрясающий эксперимент...

– Разберись сначала с экспериментом, который со мной проделал. И у меня еще есть дочь Лиза.

– Лизой меня не испугаешь. Постараюсь улечься в два месяца. Пока!

В результате размена квартиры Лёня получил комнату в коммунальной квартире в доме на задворках Тверской улицы. Большая двадцатиметровая комната в центре столицы. Кроме нас в квартире жили еще двое пожилых одиноких пенсионеров. Виктория Гавриловна (она серьезно считала, что дочь мы назвали в ее честь) и Павел Иванович.

Из большого набора симптомов старческих деменций Виктории Гавриловне достался комплекс обнищания. Ей казалось, что ее обворовывают: племянницы, сотрудники соцпомощи, участковый врач – всякий, кто переступает порог ее комнаты, обязательно найдет спрятанные глубоко под кроватью в битых молью валенках купюры.

Кстати, когда умерла жена Сальвадора Дали Гала, у нее под кроватью обнаружили чемоданы, забитые бумажными деньгами. Лихолетье в молодости отдается маразмом в старости.

Из-за чудачеств Виктории Гавриловны я неустанно твердила своим домочадцам:

– Не входить в ее комнату, не поддаваться на ее приглашения!

Павел Иванович был хроническим, глубоким, тихим алкоголиком. Выпивал, съедал то, что подсовывали мы или Виктория Гавриловна, и спал. Просыпался, выпивал – и так по кругу. Когда у него кончались деньги на выпивку, он стра-

дал отчаянно. Однажды украл Викину коляску и пропил. Боялся показаться нам на глаза, ночевал в подвале. С тех пор мы держали запас «лекарства», чтобы «подлечить» Павла Ивановича до получения пенсии. В его комнате я периодически мыла полы и вытирала пыль. Там ничего не менялось, не сдвигалось, не трогалось, как в музее, если подходит это определение к нищей обители.

Бытовое неудобство, доставляемое Павлом Ивановичем, заключалось в том, что, справляя малую нужду, он мазал, орошая унитаза, и в туалете плохо пахло.

Эти два мотива – «Викторию Гавриловну снова обокрали, наверное, племянница, она лампочку перегоревшую меняла» и «Павел Иванович снова надул мимо, Венерочка, мы должны научить его писать сидя», – составляли потешную симфонию нашей коммунальной жизни. Нам повезло с соседями – милыми стариками, выброшенными на обочину, бредущими к финалу, сохраняя достоинство и доброту.

Папа умер, когда я рожала Вику. Мне ничего не сказали. Выписавшись из роддома, разговаривая по телефону с мамой, которая поздравляла как-то натужно, через силу, я заподозрила неладное и стала допытываться.

Мама не сразу, но сдалась:

– Папа умер. Аневризма. Похоронили вчера.

Я заорала так, что прибежали соседи. Лиза схватила сестричку и прижала к себе. Хотя до этого появление младенца

ее нисколько не радовало: «Сколько шума вокруг козявки». Лёня был дома. Редкий случай. Лёня пропал на работе и от коммунальной суматохи держался в стороне. Он схватил меня, крепко держал. А я вырывалась, билась, точно хотела куда-то умчаться. Туда – откуда можно вернуть папу. Я и сейчас не могу говорить о том, как много он для меня значил.

Я звонила маме каждый день и умоляла:

– Приезжай! Все брось. Я без тебя не могу. Помоги мне!

Послеродовая депрессия может принимать различные формы и патологии поведения. У меня она вылилась в абсолютное убеждение, что без мамы я погибну. Точнее – и она, мама, вслед за папой умрет, и тогда мне не жить.

До пенсии маме оставалось пять лет. Она заведовала библиотечным коллектором, и как специалиста ее очень ценили. Мама все бросила, приехала в нашу коммуналку.

Денег не хватало катастрофически. Одна невеликая зарплата – Лёнина. Новорожденной девочке требуются вещи и вещи, как невесте на выданье, а над Лизой в подготовительном классе насмеваются: «Разве ты из гастарбайтеров? Так плохо одета!» У Лёни брюки залоснились и облохматились, мне не в чем выйти, в старые наряды не влезаю.

Впервые в жизни я записывала, скрупулезно высчитывала – сколько на еду, на стиральный порошок, на проезд в

метро Лёне... Не хватает... Даже если мы дешевым стиральным порошком будем мыть головы, тело и посуду, не хватает. Придется занимать у Виктории Гавриловны.

Если бы я вышла на работу, материальные проблемы несколько бы сгладились. Мама с обеими внучками, новорожденной и подготовишкой Лизой, справилась бы. Но с младенцем творилось что-то страшное и непонятное. У младенца даже имени не было, не до имени нам. Просто Девочка.

Двухнедельный ребеночек. У нее ноготочки как маленькие розовые капельки. И вдруг эти капельки желтеют, роговеют, вздуваются. А потом стала слезать кожа, под ней новая – болезненно розовая – снова шелушиться... Я смотрела на врачей, на консультантов как на посланцев небес, тратила последние деньги на их гонорары, на такси... Я видела умные физиономии, выслушивала умные диагнозы... а мой ребенок болел и болел, несмотря на четкое выполнение всех рекомендаций.

Вике было два месяца, когда я дошла до истерик, до сумасшествия, до сознания того, что вслед за папой погибнет моя девочка – с ее хрупкого скелетика слезет кожа, покроются язвами и стекут мышцы...

В иступленном помрачении, с каким-то наслаждением ненависти, с желанием раздавить отыскавшегося врага я прошипела в лицо Лёни:

– Это все ты! Ты! Ты! Ты! Фанатик! Злодей! Император!

Я не верю, что ты не способен разобраться с недугом своей дочери. Но тебе некогда! Всегда некогда! Для меня, для детей – некогда! Оторвать задницу от микроскопа.

Лёня свернул губы трубочкой, стал их втягивать в нос и прошамкал:

– В микроскоп задницей даже я не смотрю. Понял. Успокойся. Я разберусь... Педиатрия... кожные болезни... атипичные проявления...

Он сел за компьютер, всю ночь не отрывался от монитора.

Утром мне сказал:

– Есть гипотеза.

Предположение Лёни оказалось верным. Грибковая инфекция, малыша атаковал редкий штамм из рода элементарных кандид. Где его подхватила Вика? От меня, в роддоме? Выяснить сложно, потому что организмы большинства людей с этим грибком справляются легко. Лечение не составило труда, и мы одержали победу. Поэтому – Виктория. Через три месяца наша дочь получила имя.

Работать под началом мужа я не хотела решительно. Мне хватало гения дома, чтобы еще на работе молиться на его святейшество. Поэтому пусть будет вуз, учебное заведение, университет, сопливые студенты и мнящие себя нобелевскими лауреатами аспиранты – только не под одной крышей с Лёней.

Но устраивал меня в университет, конечно, муж.

Года три спустя, на каком-то факультетском сабантуе, декан под хмельком рассказал, как Леонид Борисович Ганин меня протезировал.

Лёня «вроде бы просил»:

– Есть потрясающе красивая, улётная деваха. Кандидат наук из новосибирского института. Пара неглупых опытов, башка варит. Вредная, хваткая, надежная. Вообще-то, это моя жена. Возьмете к себе?

Декан отказать Ганину не мог, декан был знаком с его первой женой.

На сабантуе, перепугавшись своей откровенности, декан счел нужным смикшировать свои откровения и уверял меня:

– Вы не Ляля! Вы совершенно не Ляля!

Надеюсь.

Кстати, Ляля очень удачно вышла замуж за биолога-полярника, родила двойню. Полярник изучает то ли белых медведей, то ли тюленей на острове Врангеля, дома бывает не часто и наслаждается Лялиной сладостной патокой с большим удовольствием.

Руслан и Учительница родили девочку. Зачем-то назвали Венерой и тоже благополучно существуют. Мальчику Пете, по просьбе Руслана, время от времени я отсылаю модные носильные вещи и ведомственные журналы по кибернетике. Находить эти журналы раньше было хлопотно, в Интернете они почему-то не публиковались. Руслан никогда не интере-

совался Лизой, не спрашивал, чем живет его дочь, требуется ли ей участие, доброе слово, смешной сувенир, поздравление с днем рождения, просто напоминание – от родного отца. Ну да и бог с ним, с Русланом. Он не способен держать в поле своего внимания больше двух объектов.

Лизе хватало Лёни. Правильнее – очень не хватало, как и нам всем.

Может быть, на высшем суде мне зачтется, что женщины, чью судьбу я перевернула, не остались выброшенными на свалку, а вполне благополучно устроились?

Со второй, моей, зарплатой стало легче, но не так, чтобы отказаться от копеечных подсчетов в тетрадочке. Я могла бы найти подработку, но тогда мама окончательно лишилась бы отдыха. Все было на ней: стирка, уборка, приготовление еды, дети, соседи, которые с объяснимым старческим эгоизмом сделали из мамы «старшую по квартире». Пошевелил Лёня пальцем, и у него была бы масса вариантов дополнительного заработка: читать лекции, консультировать, заседать в учебных советах, писать отзывы. Зачем ему это? Мы ведь не умирали с голода. Он загружен с утра до позднего вечера. Иногда вскакивал по ночам, бросался к письменному столу и строил в блокноте.

Наша любовная лодка, используя образ Маяковского, билась о быт. Получала повреждения, но никогда настолько серьезные, чтобы пойти ко дну. В лодке было крайне тесно, скучно и в то же время тепло и весело. Матросы и командный состав, сидящие друг у друга на головах, часто смеялись, подтрунивали или пускались в диспуты, которые заканчивались тем, что все орали, даже Лиза, даже мама, которая прежде считала повышение голоса признаком дурного воспитания. Точку ставила разбуженная Вика, своими младенческими воплями возвращала к действительности.

Мама не роптала, гребла и гребла, везла и везла – тянула

как бурлак нашу лодку, которая часто выскакивала на мель.

Мама мне говорила:

– Никогда не думала, что буду жить в милом сумасшедшем доме. И подчас теряюсь: я тут медсестра или пациентка?

Однако долго так продолжаться не могло. Я пилила Лёню, капала ему на мозги – сначала, чтобы он всех нас прописал, потом чтобы стал в очередь на квартиру. Купить-то ее мы не могли, точнее, если бы не пили, не ели, впали в анабиоз, а зарплаты складывались – лет через шестьдесят. Вике было два года, когда Лёня наконец нас прописал. А ходить квартиру просить – это увольте, это не для гордого Лёни. Он пошел своим путем.

Лёню часто приглашали в ведущие мировые институты микробиологии. Он не уехал за границу, потому что ему хорошо работалось в Москве, и вообще он не любит переезды. Но коль Венера мозги проела – ладно! Предложение было – закачаешься. В США, в Гарвардский университет. Могу ошибаться в цифрах, но сравнительный порядок хорошо помню. В Москве Лёня получает две тысячи долларов в месяц, а в Гарварде будет пятнадцать. Я – меньше, но тоже ставка приличная и должность интересная. Двухэтажный коттедж в городке, где живет академическая элита. Прекрасная школа для детей, инфраструктура развитая, преступность на нуле, окружение в высшей степени интеллектуальное. Чего мне еще надо?

То же самое, но на родине.

Мой муж считает, что наука не имеет национальностей. Совершенно не важно, кто опускает свои пять копеек или миллион юаней в копилку научных знаний: какой-нибудь испанский Педро Хуарес, или китайский Дунь-Пунь, или российский Ваня Перебейкопыто, или грузинский ученый, чью фамилию из пяти согласных подряд никто ни выговорить, ни написать не способен. Главное, чтобы ученый родил идею, проделал опыты, получил результаты и опубликовал их.

Я принципиально не согласна с Лёней. Когда-нибудь, возможно, границы исчезнут, все страны сольются и наступит интернациональная благодать. Могу только повторить Некрасова, сказавшего два с половиной века назад: «Жаль только – жить в эту пору прекрасную, уж не придется – ни мне, ни тебе». Пока же могущество державы не в последнюю очередь определяется научным потенциалом и его перспективами, то бишь конкретными людьми, способными раздвигать границы знаний. Этих людей требуется найти и выдержать из массы среднестатистических, их нужно учить, воспитывать, лелеять. Они отплатят сторицей. Теперь вопрос – кому? Американскому дяде Сэму или России-матушке? Мы машем платочками в аэропорту нашим прекрасным ученым, которые улетают за океан, а потом чешем репу – в почетных научных журналах не более двух процентов статей российских ученых.

Я знакома со многими учеными-соотечественниками, уехавшими трудиться на Запад. И ни в кого не могу бросить

грязью. Приятные, умные, интересные люди. Не хапуги, не рвачи, они хотели иметь достойные условия для работы и чтобы семья – жена и дети – не влачила жалкое существование. Они это получили. А Лёня не получит!

Прекрасно отдаю себе отчет в том, что патриотический пафос «моя страна, мой народ!» вызывает кривление рта у интеллигенции. Точно замшелый коммунист вещает. Пусть вас хоть перекосит! И, между прочим, были Вернадский и Вавилов, которые не продались за хлеб с арахисовым маслом.

Диспут «Ехать – не ехать» больше месяца клокотал в нашей семье. Два полюса – я и Лёня. Остальных волнами мотало то к одному полюсу, то к другому.

– Ты мне еще скажи, что на Земле сто шестьдесят миллионов лет обитали динозавры, и эта планета, по сути, им принадлежит! – разорялась я в ответ на геополитическое прекраснотушие мужа.

– Я английский подтянула бы, – мечтала Лиза.

– Говорят, у них прекрасные натуральные, без химии, продукты, – говорила мама.

Лёня довольно усмехался.

– Тут все безродные космополиты! – восклицала я. – И катитесь! Одна останусь!

– Россию спасти? – ехидничал муж. – На пару с Викторией Гавриловной и Павлом Ивановичем?

– На кого их бросим? – тихо, словно саму себя, спрашивала мама. И в полный голос добавляла: – Боюсь, что я тоже не смогу прижиться на чужой земле.

Лёня вбрасывал в диспут новый аргумент, про возможность путешествовать, мир посмотреть, и у мамы с Лизой загорались глаза.

Я трясла кулаками в воздухе:

– Меня никто не понимает! В родной семье! Это же катастрофа!

Двухлетняя Вика, до этого сидевшая на коленях у отца, обнимавшая его за шею, разжимала ручки, сползала и семеняла ко мне, чтобы теперь меня обнять и пожалеть.

– Мамоська, я тебя сика-сика (очень-очень) лублю!

Прижимая к себе ребенка, я сообщала остальным:

– Устами младенца! Мы с Викулей остаемся.

Я почти уверена в том, что Лёню вся эта галиматья с эмиграцией не сильно волновала. Остаться было даже предпочтительней: не потеряешь время на переезд и обустройство. Ему противно было думать про сборы, чемоданы, перелет, про новую лабораторию, в которой не сразу освоишься. И у него появился бы железный отлуп моим притязанием на улучшение жилищных условий: я тебе предлагал прекрасный вариант, но ты заартачилась, теперь сиди и помалкивай. Что Лёню серьезно волновало, так это удастся ли вслед за собой в Америку перетянуть Прокопенко и Смолякова – его

сподвижников, с которыми отлично работалось.

Если бы я не была чужда изотерическим глупостям, то сказала бы, что горячие волны наших диспутов достигли высоких кабинетов. Сама я в них не ходила, Лёня тем более. Но, на наше счастье, один высокий чин от науки отправился в мэрию и держал там речь. Мол, у нас доктор наук, с женой кандидатом наук, двумя детьми и тещей ютится в одной комнате коммунальной квартиры. Им предлагают соблазнительный вариант в Америке. Какой дурак не поедет? В том-то и беда, что останутся одни дураки!

Нам дали квартиру! Это была полнейшая неожиданность, растерянность, словно среди жаркого лета примчался Дед Мороз и отвалил королевский подарок. Прошибло даже Лёню, про Деда Мороза он сказал.

Лёня шмыгал носом, пытаясь засосать ноздрями губы, и бормотал:

– Черт знает что! Никогда бы не подумал, что наше государство как Дед Мороз...

– Это не черт знает что, а черт знает где! – Я лихорадочно искала на карте адрес нашей новой квартиры. Митино, у черта на куличках...

– На вашем месте, – сказала мама, – я не стала бы при детях столь часто вспоминать рогатого.

На щеках у мамы горел румянец. Она из тех женщин, которые вспыхивают. После смерти папы впервые вспыхнула.

Квартиру нам дали – не поверите! – четырехкомнатную.

Потому что от государства! У него законы и постановления, а по постановлениям нам с Лёней за научные статусы положены какие-то дополнительные метры и площади.

В тот вечер, когда Лёня пришел с удивительным известием, когда дети улеглись...

Нет, погодите! Я должна пояснить.

Из-за житейской тесноты местом нашего с Лёней интимного супружества была ванная комната. Когда вся квартира утихомиривалась, когда ванная никому не была нужна... Ну не на кухне же! Хотя Лёня, шельмец, предлагал.

– Ни за что! – артачилась я. – С тебя станется завалить меня на газовую плиту и включить огонь.

Из ванной мы перебирались на кухню, пили чай и говорили, говорили, говорили... Первые десять минут, на волне женского вдохновения, которое нас, глупых, посещает после секса, – веры в то, что избранник сейчас для тебя на все готов, я талдычила про бытовые проблемы. Лёня кивал с умным видом, а потом начинал рассказывать о своих исследованиях.

Лёня лучше всего мыслил, когда говорил. Он и говорил-то вдохновенно, о чем я уже несколько раз упоминала, не для публики, а для себя. Ему требовалось вслух рассказать о проблеме, услышать ее и увидеть.

Сейчас продаются «небесные фонарики», изобретение древних китайских монахов. Поджигаете нагревательный

элемент, купол из тончайшей бумаги расправляется и взмывает в высь. Вы стоите, задрав головы, и любуетесь медленным сказочным полетом фонарика. В древности считалось, что созерцание небесных фонариков, как медитация, освобождает ум от суеты и тяжелых и праздных мыслей.

Монологи Лёни мне напоминают запускание волшебных фонариков. Он сотворил чудо, привел зрителей в восторг и подпитывается этим восторгом. Внутри фонарика происходят загадочные процессы, понятные только Лёне или ставшие ему понятными, когда фонарик уплывает в небо.

В ящичке кухонного стола, в отделении для ножей я специально хранила черный фломастер. Лёня выхватывал его и писал формулы на когда-то белом, давно пожелтевшем кухонном кафеле... Мама потом отмывала.

Случалось, мимо кухонной двери проскальзывала в туалет Виктория Гавриловна, бросая на моего мужа, рисующего на стене, испуганный и в то же время восхищенный взгляд. Тащился сомнамбулой Павел Иванович. Я подозревала у него острый простатит, а то и аденому простаты. В стадии перерастания в злокачественную опухоль? Надо обследовать, лечить. Займусь, потом...

Мама никогда не выходила, а в ту ночь мы все собрались. Виктория Гавриловна заглянула на кухню:

– Я сегодня пирожки пекла, а вы и не пробовали. С капустой, как Лёня любит. Разогреть?

Павел Иванович на обратном пути из туалета заговорщически сообщил:

– Имеется. Две бутылки. Называется вином, но вранье. Чистой воды, то есть без воды, портняга, как в советские времена мы глушили... Доглушились... Нести?

За мамой я ходила.

Отворила дверь темной комнаты и шепотом спросила:

– Не спишь? Мне почему-то кажется, что не спишь. Присоединяйся. Все на кухне. Гуляем.

Уж было в моей судьбе много банкетов. И еще будет. Куда без этого атрибута светской жизни? Но ничто и никогда не сравнится с нашим празднованием на коммунальной кухне.

Мама, краснощекая, с тем выражением лица, которое я знаю с детства, а определила его смысл лет в двенадцать. Мама приказывает себе: «Надо быть строгой!» А на щеках играет предательский румянец.

Виктория Гавриловна на стол накрывает и все сетует, что пирожки не того вкуса, вот если бы сразу из духовки...

Павел Иванович свои бутылки откупоривает. Содержимое бутылок клянет, но уверяет, градус имеется и свое возьмет.

И Лёня! Самое главное. Мой муж. Нормальный расслабленный мужик. Еще до выпивки с распахнутой душой.

Неповторяемое...

Скучная мебель, которой мы вполне обходились в комнате на Тверской, расплзлась по новой квартире и как-то минимизировалась. Не на чем было есть, спать, не куда присесть, чтобы посмотреть телевизор. Продали мамину квартиру в Новосибирске, и я наложила жадные ручки на вырученную сумму. Мне нужна машина! Толчая в московском метро выводила меня из себя, бесила, отнимала силы, я чувствовала, что во мне просыпается дикая кошка, которой хочется выпустить когти и наброситься на людей.

– Не могу, когда ко мне прижимаются! – говорила я мужу.

– Да? – удивлялся Лёня. – Это у тебя провинциальное. Москвичи давно научились существовать в толпе. Меня с детства трамбовали в трамвае. Подумаешь, прижимаются...

– Разные всякие мужики и девушки с распущенными волосами, которые лезут мне в рот!

– Девушки лезут?

– Их волосы!

– Когда ко мне прижимаются девушки...

– Не продолжай, а то получишь в глаз! Не о тебе речь! Мне нужна машина. Маленькая, старенькая – любая. Я научусь ее водить, и дикая кошка перестанет выпускать когти.

Про кошку Лёня мог бы уточнить, но не стал. Он никогда не интересовался дополнительной информацией, кото-

рая продолжила бы неинтересный ему разговор. Лёня водить автомобиль не мечтал и решительно не желал. Ведь комфортное средство передвижения заставило бы отвлечься от размышлений о любимой работе.

На оставшиеся от покупки «Рено мегана» деньги мама приобретала мебель. Не итальянскую или испанскую, и даже не китайскую, а изготовленную в провинциях – русских, украинских и белорусских. И не в салонах мебельных, а на рынках у конечных станций метро. Мама выискивала письменные столы, диваны, кровати, стулья, кухонный гарнитур по сходной цене и с бесплатной доставкой. Отвозила девочек к Виктории Гавриловне и Павлу Ивановичу, ныряла в метро и неслась на край московской географии, чтобы выгадать пятьсот рублей или тысячу на тумбе с раковиной в ванную комнату, плюс зеркало с полочками. Весь этот топорно сделанный набор кокетливо именовался «Беатриче».

Несколько раз, когда дети болели, точнее – выздоравливали, но на улицу еще не выходили, Виктория Гавриловна и Павел Иванович приезжали к нам. Для них поездка в далекое Митино была своего рода приключением, требующим особой подготовки. Павел Иванович не принимал на грудь с утра, бутылочку везла в сумке Виктория Гавриловна. Она наряжалась – доставала из шкафа убийственно пахнущую нафталином черно-бурую лису и цепляла ее на шею поверх демисезонного пальто. Лиза и Вика эту лису, с мордочкой, лапками и хвостом, обожали больше своих игрушек и постоян-

но выпрашивали.

– Завещаю той из вас, – обещала Виктория Гавриловна, – которая будет себя хорошо вести.

Зачем Виктория Гавриловна тащила за собой на край света Павла Ивановича? Он приезжал, выпивал и благополучно засыпал, помощи от него не было никакой. Алгоритм отношений этих стариков так и не был мною разгадан. Они друг друга презирали, в чем не раз мне и маме тихо признавались. Павел Иванович соседку мужественно терпел, она его постоянно пилила и обзывала алкоголиком. На Восьмое марта он дарил ей чахлую ветку мимозы, она всегда держала для него «лекарство». Два одиночества – без любви, но с глубокой привязанностью.

Обратный их путь на такси всегда становился предметом споров. Мол, мы прекрасно доберемся на автобусе, потом на метро, потом на троллейбусе. С Павлом Ивановичем, который вертикально держится только прислоненный к опоре?

Последним аргументом становились мои угрозы:

– Тогда я отвезу вас на машине. По пробкам туда и обратно! Или в общественном транспорте вас будет провожать моя мама, которая сегодня носилась по долам и весям за диваном и креслами под скромным названием «Сократ».

Когда Виктория Гавриловна добиралась до дома, она мне звонила.

– Как вы доехали? – спрашивала я.

– Как короли! – отвечала она.

Потребовался год, чтобы уговорить Викторию Гавриловну разменять квартиру. Павел Иванович права голоса не имел.

От продажи квартиры мы получали деньги за свою комнату, соседи – по однокомнатной квартире.

Риелторы закатили глаза, когда я выдвинула условие:

– Обе квартиры должны находиться в нашем доме в Митине. В нашем подъезде и на одном этаже.

– Вы ставите нереальные задачи!

К тому времени у меня уже выработался учительский голос, без которого хорошего преподавателя не бывает.

– Смотрите на меня внимательно! – четко, громко и медленно проговорила я. – Вы получаете элитное жилье на Тверской. Наш митинский дом только заселяется, квартир на продажу – навалом. Спать и работать невозможно, ремонт со всех сторон. Не надо мне устраивать представлений, практикумы по нейролингвистическому программированию. Я сама кого угодно запрограммирую. Я живу в Москве три года, я из провинции. Все ясно? Вижу, ясно, сами вы тоже не москвичи в пятом поколении. Вам сказали, что мы все из себя академики, обитающие в эмпиреях? Академики тоже иногда спускаются с небес. И тогда простым смертным, которые в школе на «тройки» учились, приходится подметки рвать, а не варить макароны и на уши глупым интеллигентам навешивать.

К сожалению, поселить Викторию Гавриловну и Павла

Ивановича рядом оказалось технически невозможным. Дом был построен так, что однокомнатные квартиры имелись по одной на площадке. Мы жили на пятом этаже, Виктория Гавриловна получила квартиру на третьем, Павел Иванович – на шестом.

Он всего полгода наслаждался приватной изоляцией. Умер тихо, во сне. Виктория Гавриловна теперь говорила о Павле Ивановиче как о непризнанном таланте, который ушел из жизни, не сумев реализовать своего гения, и горевала с благородным достоинством.

Безо всякого достоинства, в полнейшем шоке, я раскрыла рот и хлопала глазами, когда обнаружилось, что Павел Иванович завещал свою квартиру мне.

– Как же иначе, Венерочка? – промокнула глаза Виктория Гавриловна. – Я тоже на тебя отписала. Кто другой похоронит по-человечески? Не мои же племянницы, воровки и профурсетки.

Виктория Гавриловна и сейчас здравствует, насколько возможно здравствовать в восемьдесят пять лет. Участковые врачи, соцработники ее по-прежнему «обворовывают».

Мои дочери, уходя от бабушки Виктории Гавриловны, привычно выворачивают карманы:

– Ничего не взяли, не трогали ваш узелок под мойкой на кухне.

Виктория Гавриловна, когда мы с мамой трясем над сто-

лом наши сумки, машет руками, призывает прекратить безобразие, но с интересом изучает содержимое.

К чудачеству хороших людей нужно относиться как к пятнам на солнце: пятна – ерунда, главное, что светит и греет.

Вот так и получилось нам разбогатеть – кульбитами от противного. Теснились в комнате, квартирный вопрос нас душил. А потом он же и одарил. Государство нам предоставило квартиру, мамину в Новосибирске, комнату на Тверской и наследство Павла Ивановича – продали. Зажили в достатке, забыли про тетрадочки с подсчетом семейного бюджета. Сменили в ванной «Беатриче», от которой стала отслаиваться краска, и скрипучий разваливающийся диванный «Сократ».

Наконец смогли себе позволить оправиться в отпуск. Полетели на солнечный Кипр. Там познакомились с Марусей, Глебом и с Саввушкой, конечно.

Мне кажется, что знаю момент, когда зародилось чувство Маруси. В Лёню нельзя влюбиться с первого взгляда. Если он не раскроет рта, то и со второго, третьего, десятого взгляда Лёней может очароваться только старая дева с заниженными требованиями. Когда Лёня начинает говорить, то иногда вызывает резкое неприятие, почти всегда переходящее в восхищение. У меня было на конференции: «Ах, ты, сморчок!» – разозлилась я. Потом: «Любопытный субъект... очень любопытный... потрясающий мужчина!» У Маруси, по-моему, началось с негодования: «Это не ученый, а фашист от науки!»

Дело происходило в Москве, Крушинины приехали к нам в гости. Маруся и Глеб – медики. Он работает в институте радиационной медицины, она – неонатолог, то есть по-народному микрopedиатр, выхаживает недоношенных младенцев в известном московском роддоме. Они медики, мы биологи, трудимся в смежных областях: специфика, терминология в работе друг друга нам понятны, но глубокими знаниями, конечно, не обладаем.

Речь зашла об эволюции человека. Глеб заметил, что за последние миллионы лет человек не эволюционировал.

Лёня не согласился:

– Человечеству всего пятьдесят тысяч лет, раса европео-

идов сформировалась двадцать пять тысяч лет назад на последнем пике оледенения. Детский возраст по масштабам вселенной. Лицевой скелет менялся как пластилиновый. Нос полез вперед. Сильное выступание носовой полости удлиняло путь холодного воздуха и способствовало его согреванию, защищая бронхи и легкие. Ортогнатность...

– Это что такое? – перебил Глеб.

– Уплотнение челюстей под скулы. Ортогнатность предохраняла глотку от переохлаждения. Светлая кожа давала биохимические преимущества – лучше накапливался под воздействием света витамин Д, защищающий от рахита сопливых детенышей, живущих при недостатке солнечного света.

– Некогда европеоиды, – встряла я, чтобы остановить Лёню, который до утра будет перечислять древние мутации, – составляли малую часть населения.

– А потом расселились быстрее комаров. – Лёня не понял моего посыла. Или понял и отомстил. – Теперь европеоиды претерпевают явную метисизацию, то бишь сливаются с прочими расами. Голубоглазые блондинки, – похлопал меня муж по коленке, – исчезнут первыми, через каких-нибудь несколько сотен лет. Так о чем я? Микроцефалии – маленький череп и мозг – мутировали тридцать семь тысяч лет назад. Кроманьонцы вдруг начали испытывать тягу к рисованию на стенах, украшательству топоров и лепке фигурок из глины. Ген ASMP мутировал шесть тысяч лет назад, вызвав

рост головного мозга, у людей появилась письменность и они начали строить города.

Пройдясь по человеческому телу, Лёня переключился на обмен веществ, начав с лактазы.

– Это фермент, который расщепляет содержащийся в молоке сахар – лактозу. Жизненно важный фермент интенсивно вырабатывается у человека в первые месяцы после рождения, а уже со второго года жизни продуцирование лактазы снижается, подготавливая организм к усвоению других продуктов, прежде всего тех, что содержат углеводы. К десяти – двенадцати годам выработка лактазы практически прекращается. Поэтому прием цельного молока вызывает у большинства людей неприятные последствия, вроде поноса. Врачи древнего Рима прописывали молоко в качестве слабительного.

В семидесятых годах прошлого века президент Чили Сальвадор Альенде, врач-педиатр по образованию, предложил программу помощи беднейшим семьям (в основном индейским), которая называлась «Каждому ребенку – стакан молока в день». У индейцев, как и у наших коренных народов Севера, синтез лактазы прекращается раньше, чем у европейцев. Но считалось: что хорошо для белого человека, то и цветному на пользу. Индейские дети болели из-за «помощи», и авторитет президента сильно упал. В то же самое время в СССР молоко давали детям в младшей школе, взрослым – на вредных производствах. Доходило до того, что в интер-

натах вместо изменения диеты детей лечили от «кишечной инфекции» антибиотиками.

Однако есть популяции – их предки давно приручили крупный рогатый скот, и молоко составляло основу диеты, – у которых произошли мутации в той части ДНК, которая определяет, когда отключать ген лактазы.

Покончив с молоком, Лёня взялся за ферменты, расщепляющие жиры, поскольку есть народы, чья дневная норма жиров на порядок превосходит среднестатистическую...

Глеб и Маруся слушали с интересом. Для меня в речах мужа не было ничего нового, но мне всегда доставляло удовольствие наблюдать, как он «запускает волшебный фонарик». Я была абсолютно уверена, что, вещая про эволюцию человека, пересыпая речь научными терминами и народными вульгаризмами, Лёня параллельно обдумывает свои учебные проблемы. О которых не рассказывает не из снобизма. Просто они весьма сложны и для научного популяризаторства за ужином не годятся.

Как всякий хороший оратор, Лёня тонко чувствует аудиторию. Однажды он был в командировке в Латинской Америке. Тамошний его коллега попросил прочитать лекцию в местном университете. Лёня так же легко, как на русском, болтает на английском.

– Третий курс, – рассказывал мне потом муж, – я и понес как для наших третьекурсников. Вижу – не врубаются. Вто-

рой курс – мимо, первый курс, вводные лекции – глазами хлопают. Дошло до школьной программы девятого класса.

– Но потом тебе устроили овацию?

– А то! Стоя в ладошки хлопали.

Лёня не был бы Лёней, если бы ограничился ортогнатностью и ферментами. Пощекотать-потешить слушателей – милое дело, но настоящий трибун ставит в финале не точку, а комбинацию из чередования вопросительных и восклицательных знаков.

– Заканчивая триндеть, – наставлял меня муж, когда я нервничала, готовясь к первым лекциями в университете, – вставь им шило в задницу... ну, или в печень на худой конец.

Я почти физически почувствовала, как в Лёнином мозгу что-то щелкнуло, процесс закончился, Лёня что-то придумал. Он обвел слушателей взглядом и достал «шило».

Лёня заговорил о вырождении человечества, его так называемой цивилизационно продвинутой части. Снижение материнской и детской смертности, увеличение продолжительности жизни и отодвигание сроков первых родов, вынашивание беременностей, которые в прежнее время не закончились бы рождением ребенка, не говоря уж об экстракорпоральном оплодотворении, в результате которого, что знают все педиатры, но молчат в тряпочку, на свет появляются ослабленные, генетически бракованные особи...

При слове «особи» Маруся вытянулась и вспыхнула. Она очень красиво гневалась. На смуглом лице не пламенел румянец, но тон кожи становился бархатистым, брови взлетали, глаза метали искры, пухлые губы поджимались и уже не напоминали три пунцовых лепестка розы (два поменьше сверху, третий, большой, внизу), а приобретали классически безупречные очертания.

У Глеба, когда он злился, кривился рот – нижняя челюсть уходила влево, ходили желваки.

Лёне того и надо было.

– Успехи медицины во всех областях, – продолжал он перечислять генетические «беды» человечества, – и особенно в борьбе с инфекционными заболеваниями, еще несколько факторов, которыми цивилизованное общество гордится, привели к тому, что из популяции не вымывается генетический брак, а только множится. Ещё в одна тысяча девятьсот девяносто седьмом году от Рождества Христова, – наслаждался реакцией Глеба и Маруси мой добрый муж Лёня, – Алексей Кондрашов, ныне работающий в Мичиганском университете, а также Лёва Ямпольский и Света Шабалина опубликовали результаты экспериментов на дрозофилах. Они брали от каждой пары мух случайного сына и дочь. Понятно выражаюсь? Есть мама и папа и другие мама и папа, у них потомство. У одних взяли мальчика, у других девочку, которые «поженились». Все как у людей.

– Отбор при этом не был совершенно отменён, – встря-

ла я, переживая искривление лица у Глеба и безупречность формы губ у Маруси. – Некоторые пары мух вообще не могли произвести потомства, у других из отложенных яиц не выводились личинки, или личинки не могли окуклиться, или из куколок не выводились взрослые мухи...

– А я о чем? – перебил меня Лёня. – Все как у людей, горькая судьба постигла тех, чьи геномы были уж сверх мерыотягощены вредными мутациями. Бла-бла-бла оставим, посмотрим на результат. Что мы имеем с нашими мухочеловеками? Через тридцать популяций подопытные мухи пришли в жалкое состояние. У них резко упала плодовитость и продолжительность жизни, они стали вялыми. И даже – позор джунглям! – не жужжали! Генетическое вырождение в чистом виде. А прибавьте к этому выдавливание из популяции агрессивных смельчаков. Кому они сегодня нужны? Девушки нынче предпочитают покладистых парнишей, которые не выделяются из толпы. Мода на конформистов. Посредственность в узких штанах и с дряблыми яйцами правит бал. Сергей Савцов, Венерка, это тот лысый из Института морфологии, которому ты глазки строила, что-то тебя на лысых клинит, так вот, Савцов называет современное размножение интеллектуальным самоистреблением.

Я набрала в легкие воздух, чтобы гневной тирадой под научным камуфляжем донести до Лёни простую мысль: «Люди, которые пришли в твой дом, – гости! Гостям шило в задницу или в печень загонять – подло!»

Не успела.

Заговорила Маруся. Ладонями пригладила волосы, положила руки на стол, одно предплечье на другое, кисти обхватили локти. Как нас в младшей школе учили: «Руки на парту!» В этой статичной позе человеку проще сдерживать волнение, клокочущие эмоции.

– Знаешь что, Лёня... Вот что я тебе скажу, Лёня! – Маруся с трудом подбирала слова. – Мой отец был одним из первых хирургов, который делал операции... микрохирургия... изолентой микроскоп приделывали под хирургическую лампу... Он был одним из первых кардиохирургов, который делал операции при врожденных пороках сердца. У обреченных новорожденных детей. Которые потом выросли и к нему приезжали... Не важно... Становились мастерами спорта. Глеб занимается тем, что облучает злокачественные опухоли у обреченных раковых больных. Когда опухоль перестала расти, остановилось смертельное размножение клеток, можно оперировать. Я... Да, я... это просто моя работа. Каждый день – маленькие нежизнеспособные существа в кувезах. Как ты их назвал? Особи? Столетие, десятилетие назад у них не было бы шанса, а сейчас есть, и я этот шанс зубами вырву. Генетический брак? Между прочим Ньютон, Эйнштейн, Моцарт, Шиллер, Гёте, Байрон, Менделеев родились недоношенными. Человечество выиграло бы, если бы они умерли младенцами?

Лёня пожал плечами. Не стал возражать: между выхажива-

ванием родившегося раньше срока семимесячного ребенка и двадцатидвухнедельного, весом в полкилограмма, есть разница. Хотя с точки зрения ценности человеческой жизни и тот и другой, конечно, имеют право на жизнь. А кто им жизнь дарует – безусловные герои.

Заговорил Глеб:

– Вашего Савцова с его «интеллектуальным самоистреблением» следовало бы спросить: «А как ты предлагаешь нам размножаться?» Если что-то клеймишь, то предложи другой вариант. Не знаешь? Почитай антиутопии. Фантасты давно освоили тему будущих гипотетических обществ, в которых процветает селективное спаривание. Благодаря таким, как ты, Лёня, мы легко договоримся до социального дарвинизма, негативной евгеники и станем проповедовать прекращение воспроизводства людьми, имеющими наследственные дефекты. Станем чистой воды генетическими расистами.

Лёня втянул губы дудочкой, зашмыгал носом и спросил меня с упреком:

– В этом доме чаю дадут? – Повернувшись к гостям, добавил: – Венерка торт купила, я на него сел нечаянно, но на вкусовые качества это не повлияет, торт был в коробке. Пейте чай, а мне надо кое-что проверить.

И улизнул в свой кабинет. Беседа перестала его занимать, спор не обещал быть интересным, и даже собственная слава и авторитет его не волновали. Мог бы поведать, что как раз и занимается тем, что сражается с природой, – она ген калечит,

а Лёня исправляет.

Сглаживать углы, пояснять гостям, что никакие мы не фашисты от науки, не изуверы, пришлось мне.

Данные демографических подсчетов тоже могут навести панику, однако никого не пугают. Есть объективные исследования и есть их интерпретации. Все, что говорил Лёня, – правда. (Про современные эволюционные процессы, а не про Савцова, которому я якобы строила глазки.) Генетическое вырождение в условиях ослабленного отбора – уже давно не теория, а многократно подтвержденная истина. Значительная часть научного сообщества предполагает, что мы – люди – не вырем, но станем чахлыми и глупыми. Предполагать не значит утверждать. Другая часть сообщества легко нарисует вам иную картину. Опять-таки гипотетическую, но гораздо симпатичнее. Как пойдут исторические процессы, смешаются ли народы, никто не знает. Например, угроза жизнедеятельности на планете или бурное покорение космоса способны подхлестнуть естественный отбор и выдвинуть на первые роли людей смелых, отчаянных, физически крепких и интеллектуально незаурядных. Другой вариант: стараниями чикчирикнутых ученых вроде Лёни наука разовьется фантастически, мы сможем легко и просто исправлять капризы природы, как сейчас вырезаем воспалившиеся аппендикс или желчный пузырь. Никто не знает! Аппарата, позволяющего заглянуть в будущее, не существует.

Потом, уже в другом разговоре, когда мы с Марусей были одни, я, наверное, подлила масла в огонь ее страсти. Понятная женская слабость – оправдаться за грубое поведение мужа. Рассказала Марусе, что Лёня, бешеный гений, поставил перед собой невыполнимую задачу: найти механизм, избавляющий человечество от всех возможных хворей – инфекций, возрастных патологий, случайных мутаций... Изящно и просто: занемог человек, мы ему укольчик в попу или капельницу в вену – на завтра чист, будто огурец, выращенный на биопонике, и резв, как кролик в период гормональной активности.

Лёня грызет скалу зубами, бьет по ней кайлом. То и дело отваливаются маленькие изумруды и большие, но не столь ценные куски породы. Лёне они не интересны. Хорошо, что есть коллеги-помощники Прокопенко и Смоляков, у которых в свою очередь эскорт аспирантов и младших научных сотрудников. Они защищают диссертации, пишут статьи. И Лёня, кстати, подредактировав статью, не гнушается тем, чтобы поставить под ней и свою фамилию. Без публикаций ты в научном мире никто, а самому ему писать недосуг.

Как специалист я не верю в решение этой задачи при современном уровне знаний. Как жена я готова его убить за одержимость и забвение интересов семьи. Как женщина я не устаю им восхищаться.

– Венера, ты говоришь не хуже Лёни, – улыбнулась Маруся, как бы давая понять, что Лёня прощен.

– С кем поведешься.

– Почему ты ушла от первого мужа?

Марусю, как всякую прочно замужнюю женщину, интересовали особы, менявшие спутников жизни.

– Почему ты уверена, что я ушла, а не он меня бросил?

– Почему-то уверена, – снова улыбнулась Маруся.

– Мой первый муж Руслан был необыкновенно красив.

– Но глуп?

– Вовсе не глуп. Добр, покладист, мил в общении – приятен во всех отношениях. Это как хороший изысканный парфюм, который приятно благоухает. Постоянно благоухает и благоухает, перестаешь замечать. Люди, работающие в розарии, перестают чувствовать аромат цветов. Но на вкус парфюм отвратен, а семейная жизнь – это постоянно всё на вкус.

– А как же Лёня?

– Он не парфюм, он – коньяк. Раз выпила, другой, третий, возникла прочная алкогольная зависимость.

Маруся рассмеялась и спросила:

– Лёня долго за тобой ухаживал? Не представляю его с цветами, поющего романсы под окнами.

Марусино любопытство вполне вписывалось в наш шуточный разговор. И его, любопытство, можно было списать на деликатность и вежливость: женщины любят рассказывать про своих избранников, предоставляю Венере такую возможность.

Я отделалась коротким пояснением, которое походило на

анекдот, хотя было чистой позорной правдой:

– Лёня не ухаживал и пяти минут. После лекции по проблемам выявления механизмов регуляции и экспрессии генов он бросил мне мимоходом: «Подожди за углом». Вот и все. А вы с Глебом долго встречались? – перевела я разговор.

– У нас было так, как обычно происходит в жизни, а не как в романах или в кино. Там действие: герои бегают, остро страдают, что-то происходит. А у нас ничего не происходило. Мы вместе учились, на одном курсе, но на разных потоках. Встречались на лекциях, потом на лабораторках, на семинарах, бросали друг на друга взгляды, перебрасывались парой слов. Между этими встречами: непонятное томление, дурацкие мысли и мечты – и все очень муторно, долго, почти три года, бесперспективно, не мучительно – нет, а тягостно депрессивно. И Глеб, и я не отличаемся активностью полового поведения. Неизвестно, как сложилась бы жизнь, не встретиться мы в одной компании, не наклюкайся основательно. Глеб поехал меня провожать, в подъезде принялись целоваться, и уже невозможно было оторваться друг от друга. Мы не могли существовать раздельно: если не находились вместе, то болтали по телефону. Глеб, конечно, не парфюм и не коньяк...

– А что? Шоколад, черная икра, шампанское, устрицы?.. Маруся улыбалась и качала головой.

– Надо пробовать на вкус, – напомнила я условия случайного шутивого теста. – А любые продукты приедаются.

ся. Несъедобные вещи, всякие там солнечный восход-закат, миллион долларов, симфонии Чайковского, в эксперименте не участвуют.

– Он – чистый родник!

Я подняла большой палец кверху, оценив ее находчивость, а про себя подумала: «Одной водицей сыта не будешь».

Маруся была подарком для нашей компании, для нашей окрепшей семейной дружбы. Начитанная, прекрасно образованная, работающая много и честно, Маруся не терпела бездумной праздности, выходных на диване. Она постоянно находила экскурсии, записала нас в группу любителей московской архитектуры, и раз в месяц мы оправлялись с гидом знакомиться с каким-нибудь зданием, мимо которого проходили десятки раз и не ведали об историях, которые помнят его стены.

Мы объездили Подмоскowie и прилегающие области, осмотрели многие усадьбы, побывали в великолепных и в захолустных музеях. Некоторые обветшалые барские дома напоминали аристократов в лохмотьях, сохранивших благородную выправку и статью, другие «аристократы» опустились до бесстыдства. Это напоминало мне рассказы о русской послереволюционной эмиграции: одни дворянки шли в белошвейки и в прачки, другие – в проститутки. Подновленные и отреставрированные усадьбы радовали глаз, но редко в какой можно было почувствовать дух прошлого. Возможно, потому, что нам постоянно не везло с экскурсоводами. В Александровской слободе, в Ясной Поляне да и в других заповедниках милые женщины с печатью хронического утомления на лице водили нас по помещениям и тараторили с

отсутствующим видом. Они нас, экскурсантов, не видели в упор, не воспринимали как личностей. Неприятно чувствовать себя стадом, которому командуют: «А теперь перейдем в следующий зал. Не заходите, пожалуйста, за красный канат». Комнаты, перегороженные канатами или попросту закрытые, были во всех музеях. Почему-то они напоминали помещения для избранных, вроде вип-залов в аэропортах. Будь мы особыми гостями, прибывшими «по звонку», и канаты бы сняли, и комнаты открыли, и рассказали бы интересно, с деталями, а не сухо и сжато, как в путеводителе.

Зато смотрительницы – чистенькие аккуратные старушки, сидевшие на стульях в залах, – все без исключения были замечательными. Если позволялось ходить по музею не в группе, без сопровождения гида, то мы этим пользовались. Смотрительницы могли не хуже ответить на вопросы и рассказать историю экспонатов доброжелательно и с чувством.

Мне запомнились две старушки на выставке игрушек в Сергиевом Посаде. Я услышала, как одна другой говорит: «Я тогда за тюлем в очереди стояла...»

Есть хороший старый фильм «Дело Румянцева», в котором блестяще сыграл молодой Алексей Баталов. В этом фильме следователь, полковник милиции, во время обыска в квартире преступника, ощупав юбочку куклы, которой накрывают чайник, говорит что-то вроде: «Тюль! Моя жена четыре дня в очереди за тюлем простояла, так и не купила». Тем, кто смотрел «Дело Румянцева» в конце пятидесятых

годов, эта фраза наверняка не запомнилась. Для нас же эта деталь, штрих – свидетельство того, как жили, как тяжело доставалось самое элементарное.

Услышав «за тюлем стояла», я задержалась у витрины, прислушалась. Одна старушка рассказывала другой, что всю жизнь была влюблена в Пашку-лоботряса, между тем как муж ее Сереженька был честным и добрым, хозяйственным и деток любил. Лоботряс по тюрьмам ошивался, выйдет – женится, сворует – в тюрьму, а Сереженька каждую копейку – в дом. Но вот поди ж ты, сердцу не прикажешь.

Я тогда подумала: «Какая жестокая судьба: любить чужого мужа, недостойного, ненадежного, неправильного. А твой собственный не забулдыга, не пьяница, а преданный и хороший. Бедная Маруся!»

Лиза и Вика полюбили наши поездки, ближе к выходным спрашивали: «Куда мы поедем в эту субботу?»

Лёня называл наши экскурсии «культурки хапнуть» и пытался от них отлынивать.

– На аркане, под дулом пистолета, но ты поедешь, – показывала я кулак мужу и быстро меняла тон со скандального на лебезящий. – Лёньчик! Тебе ведь так хорошо думается в дороге! И возможно, снова представится возможность просветить буфетчиц и подавальщиц на предмет сексуальных нравов карликовых шимпанзе.

Это было в Переславле-Залесском. Стоял тридцатиградусный мороз. Мы весело провели время на народном гулянии: водили хороводы, играли в народные игры, смотрели выступление фольклорных групп, подогретых приемом внутри того, что «приносить и распивать запрещается». На таком холоде, не двигаясь или слабо двигаясь, пританцовывая вслед за артистами, околеваешь очень быстро. Поэтому «Ботик Петра» на озере мы смотреть не рискнули.

– Какой ботик? – клацал зубами Лёня. – Он давно вмерз, я сейчас тоже вмерзну по самые... вам по пояс будет. Скорей в ресторан, у нас с Марусей во фляжке ничего не осталось.

Глеб и я были за рулем. Лёня и Маруся могли себе позволить.

Маленькое кафе, отделанное в псевдорусском духе: топорно изрезанное и обильно залакированное дерево столов, стульев, стен, стойки бара. Но горячие щи и куриная отбивная с жареной картошкой там были отменными. Благостное тепло после стужи воспринимается с особым удовольствием. За столом возник легкий спор. Саввушка спросил, почему дяде Лёне и маме можно водки, чтобы не заболеть, а им нельзя, хотя дети болеют чаще. Лиза тут же заявила, что хорошие родители дают детям спиртное сами, а не отправляют пробовать его в подворотне. Вика мгновенно среагировала: «И я хочу!» Мы с Марусей и Глебом пресекли этот маленький бунт: не все, что разрешается взрослым, детям позволено.

Кроме нас в кафе никого не было. Барменша скучала за

стойкой. Задрав голову, смотрела телевизор, прикрепленный высоко в углу. Официантка убирала с нашего столика грязную посуду и накрывала к чаю.

Боковым зрением она углядела, что происходит на экране, и крикнула барменше:

– Танька, ты совсем уже! Тут ведь дети!

Мы повернули головы: в телевизоре страстно лобызались и елозили по телу друг друга обнаженные парень и девушка.

– Минуточку! – поднялся Лёня. – Не переключайте!

Лёня направился к бару, взгромоздился на высокий стул. Дети тут же юркнули за Лёней.

– Чашечку кофе эспresso, – попросил он, рассматривая действие на экране с интересом натуралиста.

К счастью, действие скоро закончилось, пошла реклама.

Глеб и я напряглись: что на этот раз? А Маруся смотрела на Лёню... Она смотрела с восторгом тайной фанатки, чей кумир вышел на сцену.

– Почему детям нельзя видеть любовные игры и половой акт? – спросил Лёня официантку, которая не замедлила присоседиться к компании.

– Так стыд!

– Стыд придумали городские задаваки. – Лёня, почувствовав аудиторию, вещал в примитивно народном стиле. – В деревнях-то что раньше было? Дети видели, как домашние животные спариваются и рожают. Разные там кабаны, коровы, овцы и куры. Это детям помогало понять отношения по-

лов. Полов не в смысле по которым ходят, а между мужчинами и женщинами. А спали в избе как? Вповалку! Мама с папой, старшие братья с женами. Они что, под зипунами басни друг другу рассказывали? И какие вырастали поколения! Порядочные и здоровые.

– Верно! – согласилась барменша. – Раньше сраму меньше было.

Грудастая, химически кудрявая, лет тридцати, она никак не могла помнить про «раньше», но верила в чистоту прежних нравов.

– В качестве примера, – погладил Лёня по голове Лизу, которая уткнулась ему под мышку, – я вам расскажу о бонобо. Это карликовые шимпанзе, живущие в Центральной Африке между реками Конго и Луалаба. Симпатяги, кожа у них черная, а не розовая, как у обычных шимпанзе, губки красные, длинные ноги и узкие покатые плечи, волосы разделены на пробор посередине.

Слушатели у Лёни-лектора подобрались разношерстные: сотрудницы кафе и дети, да еще надо было учитывать нас, внимавших. Но это был один из редких случаев, как мне показалось, когда Лёня не про свое параллельно думал, а выполнял святую обязанность отца – воспитывать детей, которым предстоит жить в запутанном соблазнами мире. На свой лад воспитывать.

– Кровь бонобо можно переливать человеку, – рассказывал Лёня, – хотя кровь других приматов нам годится только

после серьезной фильтрации, удаления антител. Живут они до сорока лет, в зоопарках – до шестидесяти, рожают мало, бережно и трепетно относятся к детенышам, годами учат их различать съедобные и ядовитые растения, часами с ними играют...

По его словам получалось, что бонобо – наши младшие братья. Как обычно, Лёня не врал и не приукрашивал, но строй его речей подводил к тому, чего Лёня хотел добиться и что не полностью соответствовало действительности.

На самом деле карликовые шимпанзе – это животные и только животные. Весьма немногочисленные, кстати, и плохо изученные.

– У бонобо есть альтруизм, то есть бескорыстное добро, сочувствие, терпение, повышенная чувствительность. Наверное, потому, что у них матриархат, всем заправляют самки. – Лёнина улыбка барменше и официантке.

Они почему-то восприняли данную информацию как комплимент.

– У бонобо отсутствуют особенности поведения обычных шимпанзе: нет совместной охоты, они не агрессивны, не ведут войн, не пожирают противников. Они постоянно общаются, болтают даже за едой – свистят, курлычат. Их можно обучить человеческим словам. Был такой самец по имени Канзи. Его научили трем тысячам слов, которые он понимал, а пятьсот слов мог употреблять.

– Говорил? – ахнула Вика.

– На клавиатуре с лексигаммами, такими геометрическими знаками, выстукивал, – вынужден был признаться Лёня. – Но что нас должно удивлять более всего? Почему бонобо не ссорятся, не кусаются, не дерутся за место под солнцем? Вот вопрос! Потому что главная составляющая их жизни... – Лёня выдержал выразительную паузу. – Любовь и секс! Савва, Вика вы знаете, что такое секс?

– Я им потом объясню, – нетерпеливо дернула отца Лиза, – говори дальше.

То же нетерпение читалось на лицах работниц кафе.

И Лёня рассказывал про то, что любовь в телесном выражении для бонобо – основа социальной жизни. Половой акт используется не только как средство предотвращения и разрешения конфликтов, но и как примирение, выражение бурной радости, когда, например, нашли новый источник питания, или скорби, когда скончался кто-то из стаи. Словом, они постоянно в любви и сексе, формы и приемы которого прежде считались присущими только людям.

«Если заговорит об оральном и анальном сексе, – подумала я, – то прибью его».

Но Лёня благоразумно не уточнял «форм и приемов». Зато не забыл про отсутствие моногамности у бонобо и про то, что, хотя матери не вступают в половые отношения с сыновьями, бонобо не различают в своем поведении пол и возраст.

– Тут кроются интересные параллели с изучением педо-

филии и гомосексуальности, – изрек Лёня.

– Мне интересно про гомосексуализм, – быстро отреагировала Лиза, – сейчас про него все говорят.

– И мне! – поддакнула Вика.

– И мне. – Саввушка мало что понял, но всегда подражал девочкам.

– Напомните, потом расскажу. Савва, ты знаешь, что делают два самца бонобо, когда радуются или когда хотят покрасоваться перед девушками?

– Не знаю.

– Они фехтуются пенисами! Проще говоря, писюнами друг перед другом размахивают. Дайте нам счет, пожалуйста, – попросил Лёня официантку. – Приятно было с вами пообщаться. Дети, правило туриста – и по коням!

Правило туриста – это сходить в туалет не когда хочется, а когда есть возможность.

Саввушку я задержала на выходе из кафе, склонилась к его ушку:

– Не вздумай в детском саду писюном размахивать! Дядя Лёня про обезьян рассказывал, а ты человек, мы по-другому живем.

Отпуска мы проводили отдельно. Думаю, по воле Глеба. Выносить долго такого эксцентричного эгоиста, как Лёня, могла только я. И Маруся, конечно, но она не позволяла себе проявлять симпатию. Глеб относился к Лёне сдержан-

но, уважительно, но без теплоты. Да и какая может быть теплота к человеку, который ни разу не поинтересовался твоей работой, твоими проблемами, мыслями, желаниями, все только про свое и про свое. В то же время Глеб понимал, что дружить с личностью Лёниного масштаба очень интересно. Не часто дружить, время от времени, по выходным.

12

Мы ехали в Кострому на двух машинах. В первой Глеб с Марусей, во второй мы с Лёней и дети. Саввушка всегда по пути «туда» просился к нам, а «обратно» ехал с родителями. Чтобы избежать пробок, мы выехали очень рано, дети не выспались и капризничали. Они возились на заднем сиденье, толкались, спорили.

Когда дошло до визга, Лёня, сидевший рядом со мной, не отрывая взгляда от планшета, сказал:

– Мальчики налево, девочки направо.

Так уже бывало, и у меня имелось проверенное средство от детских капризов. Я съехала на обочину, вышла из машины, распахнула заднюю дверь:

– Все вышли! Мальчики налево, девочки направо! Всем писать в кустах! Не хочется? Тогда сели и замолкли! Услышу хоть звук, разворачиваемся и едем в Москву!

После такой встряски дети обычно мирно засыпали и, прибыв на место, вели себя прилично.

Остановка нас спасла. Между нашей машиной и Глеба вклинилось десять автомобилей.

Тяжело груженный «КамАЗ» выскочил на шоссе неожиданно, из лесной просеки. Глеб врезался в «КамАЗ» на скорости сто десять километров в час, сзади в машину Глеба – еще четыре автомобиля.

Есть такой кинематографический прием – в кульминационный момент резко убирают звук. Действие, как правило, замедленное, продолжается в полной тишине: ни криков, ни скрежета, ни музыки – глухота.

Так и я не помню звуков – страшное немое кино. Я даже не сообразила, что вместе с нами к месту аварии бегут дети, что им, особенно Саввушке, не нужно видеть, что осталось от отца и матери.

Глеб погиб сразу. А Маруся прожила несколько минут. Вывернув голову, она смотрела на Лёню, который пытался открыть покореженную дверь. Этот угасающий взгляд невозможно описать, забыть, он преследует меня как неискупимая вина. Вина – именно это чувство захлестнуло меня тогда. За то, что Маруся умирает, а я остаюсь жива, за то, что у моих детей есть отец и мать, а у Саввушки их не будет, за то, что я владею Лёней, могу кричать на него, дуться, а ее, Марусю, он ни разу даже не поцеловал. В ту минуту я была готова на любые жертвы, чтобы спасти Марусю. Забери у меня его! Забери, только не умирай!

Очевидно, я кричала все это и еще что-то подобное, сумасшедшее. Потому что Лёня встряхнул меня, больно дернул за руку:

– Прекрати! Заткнись! Уведи детей! Ты сейчас – ничто! Главное – дети!

В другой ситуации его оскорбительное «ты – ничто» было

бы за гранью дозволенного, а в тот момент пришлось в самый раз, как пощечина беснующейся истеричке. Я, мои переживания, благие идиотские порывы – все ничто перед лицом разыгравшейся трагедии. А моя истерика, по сути, акт вопиющего эгоизма: вместо того чтобы думать о других, я воплями и стенаниями выпускала пар из собственного перегретого, готового взорваться котла эмоций.

У Глеба родителей не было. Мама Маруси, узнав о гибели дочери и ее мужа, упала с тяжелейшим инфарктом. Мы отвезли ее в больницу, врачи говорили, что дни ее сочтены. Была весна, сессия, самое горячее время в вузе, но я взяла отпуск, с боем вырвала – «хоть увольняйте!», чтобы заняться похоронами и, главное, чтобы как можно больше времени находиться рядом с Саввушкой. Шестилетний, он верил и не верил в произошедшее, понимал и не понимал. Он был перепуган, но успокаивал Вику и Лизу, которые периодически рыдали. У детей начались ночные кошмары, и приходилось давать им лекарства. Но днем медикаментами я не злоупотребляла, попытки Лизы и Вики увильнуть от школы решительно пресекла. Как и чрезмерную опеку девочками Саввы, который от этого неестественного внимания пугался еще больше.

Была красивая весна и ярко светило солнце, а мне тот период – похороны, поминки на девятый день, сороковины – запомнился как непроглядный сумрак. Хотя дети оставались

детьми и в доме нашем иногда звучал их смех. Лёня постоянно детей поддразнивал и рассказывал смешные истории про животных, насекомых и пуков. Он превратился в нормального отца – который завтракает с детьми, а не спит до одиннадцати, не возвращается вечером с отсутствующим видом, дежурно спрашивает: «У вас все нормально?», не дожидаясь ответа, бросает: «Мне надо поработать», – и шмыгает в кабинет, из которого выходит под утро. Конечно, это было временно, как только пройдет острый период, дети снова получат папу на несколько часов по выходным. Но я не замечала у Лёни скуки, зримого жертвенного насилия над собой. Может быть, страшная трагедия будет иметь хоть слабую компенсацию, превратит Лёню в подобие отца семейства?

На похоронах и поминках Глеба и Маруси я увидела их друзей и коллег, чья скорбь была искренней, сочувствие подлинным. Но повывлезали какие-то двоюродные сестры и братья, о которых мы прежде слыхом не слыхивали. Эти родственнички повели себя чудовищно. Они грызлись между собой за квадратные метры – квартиры Маруси и ее мамы (тогда еще здравствующей!). Победителем в этой войне становился тот, кто захватит Саввушку, оформит над ним опеку, ведь Марусина мама сделать этого не могла.

Задвинув в стороны междоусобицы, родственники выступили единым фронтом против нас с Лёней. Явились к нам домой, устроили скандал, в лицо бросали обвинения в том,

что с помощью чужого ребенка мы хотим получить страшно дорогие площади.

Поскольку наше благосостояние на первом этапе базировалось не на лично заработанных деньгах, а именно на квадратных метрах – квартире моих родителей и однушки Павла Ивановича, поскольку данный момент всегда вызывал у меня внутреннее смущение, получалось, что родственники били меня по самому больному.

Лёня сначала смотрел на кузенов и кузин не без потехи: пришли дурни, несут околесицу. Но потом он увидел мою реакцию: испуг, стыд, дикий страх того, что Саввушку могут увести.

Лёня потом говорил, что у меня было лицо человека, измученного побоями и пытками, ожидающего последнего смертельного удара.

Лёня рассвирепел и посчитал нужным вывести меня из ступора приказом:

– Венерка! Выгони этих бл...дей! Или я за себя не ручаюсь!

Как будто он был мастером спорта по боксу в тяжелом весе, а я кандидатом в мастера и могла одной левой справиться с двумя мужиками и тремя бабами.

– Выметайтесь! – орал Лёня. – Или я сейчас принесу двустволку и всех вас к е...ной матери постреляю!

Никакой двустволки у нас не было, но потом в материалах судебного дела фигурировало, что мы угрожали примени-

ем оружия.

Когда незваные гости были выпровожены, в комнату просочились дети и моя мама. Семья у нас, конечно, шумная, но такого безобразия еще не случилось.

– Папа, ты ругался матом, – сообщила Лиза.

– Ругался, – подтвердил Лёня. – Я же мужчина, мужчинам иногда можно.

– И мне? – уточнил Саввушка.

– Тебе еще рано, – ответила я. – А дядя Лёня больше не будет.

– Папа, почему они тебя называли пархатым жидом? – продолжала допытываться Лиза.

– Жиды – это евреи, – выказала осведомленность Вика. – Мне в школе сказали, что наша фамилия еврейская. Мы евреи, папа?

– Евреи.

– А я думала, русские, – разочарованно протянула Лиза.

– Русские, – так же охотно согласился Лёня.

– Мне бабушка говорила, – встрял Савва, – что ее папа был белорусец.

– Тогда мы белорусы, – кивнул Лёня.

– Ты говорил, – подала голос моя мама, – что твоя мама была молдаванкой, а у евреев национальность по материнской линии прослеживается. У Венеры одна из бабушек полька, – не без гордости добавила она.

– Молдаванка? – удивленно спросила я мужа.

– Честно говоря, я забыл у нее спросить. Но я вам открою страшную тайну! Биологически все расы и нации: русские, евреи, белорусы, эфиопы и прочие японцы – один вид, а не разные. Потому что мы можем... Внимание! Скрещиваться и размножаться.

– И мы с Лизой и Викторией? – уточнил Саввушка, которого всегда волновало «и я?», «и мы?»

– Пока только я и мама, – вынужден был признать Лёня.

– А как вы это делаете? – не унимался Савва.

– Разговор увело куда-то не туда, – заметила я.

– Не туда, – признал Лёня. – Пытливые дети должны спросить у умного папы, как же возникло деление на расы и нации?

– Как? – спросили они хором.

Про кошмарный визит квартирных захватчиков было забыто. Выслушав лекцию Лёни, дети остаток вечера выбирали себе национальности. Савва стойко желал быть «белорусцем», русоволосая и голубоглазая Лиза мечтала называться египтянкой, а Вика не могла на чем-то остановиться, бегала ко мне советоваться, а потом решила, что каждый месяц будет менять национальность. Лёня им сказал, что они все давно метисы, и бабушки-дедушки их, и прабабушки-прадедушки были метисами. Но дети быть одинаковыми не желали.

Неужели корни национальной розни в детском желании

неодинаковости?

Совенку сейчас семь лет, он первоклассник. Иногда я срываюсь и ору на него:

– Зачем ты переоделся в спортивную форму? Ведь сказали, что физкультуры не будет, в спортзале трубу прорвало, покажут фильм. Что значит «пусть устно»? Как может быть физкультура устно? Целый час просидел в майке и трусах, над тобой смеялись. Тебе было плохо, ведь правда? А все твое глупое упрямство!

Он смотрит на меня исподлобья, его громадные глаза наполняются слезами, но губы зло поджаты. Я рывком прижимаю к себе мальчишку. Если бы моя любовь, мои объятия могли растопить его каменное упрямство, от которого в первую очередь страдает сам Совенок!

Суды по установлению опекунства длятся до сих пор. Гонорары адвокатам основательно подорвали наш бюджет. Лёне судебная волокита отчаянно надоела. Он предлагает мне швырнуть квартиры кузенам и кузинам в рожи, пусть подавятся. Я не соглашаюсь – Глебу, Марусе и ее маме это показалось бы несправедливым. Тогда не нервничай, призывает меня муж, как будто мы можем позволить кому-нибудь забрать у нас Саввушку! Нашего сына!

Пожалуйста, дайте поспать!

Егора подвозил после дежурства Вась-Васич. Егор Правдин работал врачом «скорой помощи», а Вась-Васич – водителем. Личное «Рено» Вась-Васича содержалось в такой же идеальной чистоте, как и его служебная карета «скорой помощи». У Егора имелся свой автомобиль – старенькие «Жигули», еще отцовские, отцом же и ремонтируемые постоянно. Жена Надя стыдилась их машины, и каждый раз садилась в нее с затравленным выражением лица, словно Наде пришлось выйти на люди в немодном поношенном платье. Восемилетний сын Гошка был помешан на импортных автомобилях и мечтал, что папа купит навороченную тачку. Четырнадцатилетняя дочь Варвара говорила, что их машина еще не антиквариат, но уже позорная рухлядь. Конечно, надо купить новое авто. Но ипотека, долг за квартиру держали их за горло. Егор трудился на двух работах – полторы ставки на «Скорой» и полставки в коммерческом медицинском центре. Надежда, школьный учитель математики, вела домашнее хозяйство с алгебраической экономностью и геометрический рациональностью, но денег все равно не хватало.

– У остановки меня высади, – попросил Егор.

– Угу, – буркнул Вась-Васич и проехал мимо остановки.

Этот диалог у них повторялся после каждой смены: Егор просил его высадить, дальше на автобусе доберется, Вась-

Васич всегда соглашался. В зависимости от настроения говорил: «Как прикажешь, командир!», или «Щас!», или «Покультурничай!» – но никогда не останавливался, довозил до дома.

Внешностью он обладал угрюмой: низкий рост волос на лбу, насупленные брови, глубокие морщины от крыльев носа до подбородка. Брутальность водителя для их бригады большой плюс. На самом деле Вась-Васич был нежен душой и отчасти романтик. Когда они мчались на вызов, Вась-Васич выжимал из машины предельную мощность – ведь они несутся спасать человеческую жизнь. За двадцать лет работы на «скорой» Вась-Васич чего только не посмотрелся, но циничная грубость выросла лишь снаружи, как кора ствол дерева укутала, сердцевина же осталась нежной и ранимой. Вась-Васич в отличие от многих профессиональных водителей, для которых главное их железный конь, а вокруг хоть трава не расти, был пропитан духом «Скорой», каковая есть не место работы, а образ жизни. Многие врачи и фельдшеры, перейдя в место поспокойнее и поденжнее, просились хоть на четверть ставки – пусть раз в неделю, но получить порцию адреналиновой встряски. И хотя восемьдесят процентов вызовов под скорпомощные не подпадали, и вечное: «с сердцем плохо» – оказывалось начальной стадией ангины или воспалением геморроя, ради двадцати процентов случаев, когда спасали человека, отводили от последней черты, стоило жить и работать.

Двух своих дочерей-студенток Вась-Васич любил столь истово, что был бессилен перед этой любовью, перед вечным страхом за девочек, поэтому часто злился – то ли на себя, дурака малахольного, то ли на чертовых кукол, которые родились на его счастье и погибель.

Манера общения с людьми у Вась-Васича была своеобразной, и Егор не сразу привык к ней, научился понимать ход мысли водителя. Вась-Васич молчал-молчал, что-то крутил в мозгу, а потом озвучивал вывод из своих мысленных рассуждений.

– Хрен они закон примут, – сказал Вась-Васич. – Они же в депутатских поликлиниках лечатся, и «скорая» у них специализированная, не городская.

– Хорошо, что вообще внимание обратили, – ответил Егор. – Приравняли бы нападения на сотрудников «Скорой» к покушению на полицейских. Нам большего не надо.

Они прекрасно поняли друг друга: речь шла о том, что в Думу внесли законопроект о защите сотрудников «скорой помощи». С печальной регулярностью, в их областном городе, как и по всей стране, едва ли не каждый месяц совершались нападения на врачей и сестер, приехавших по вызову. Пьяные дебоширы с увесистыми кулаками, а то и с ножами, потерявшие человеческий облик наркоманы, иступленно жаждущие выхватить из врачебного саквояжа заветную ампулу, или просто хулиганское отребье, развлекающеся тем, что вызывает «скорую» – посмеяться, подурочить-

ся, покуражиться – деткам скучно. Когда деткам грозили полицией за ложный вызов, они становились агрессивными – били стекла в карете, вспарывали покрышки колеса. В подобных ситуациях суровый вид Вась-Васича, вооруженного монтировкой, оказывал большое протрезвляющее действие.

– Верка молодец все-таки! – изрек Вась-Васич.

– Конечно, молодец, но у меня до сих пор физиономия пылает и в глазах резь.

Фельдшер Вера – третий член их бригады. Она давно уговаривала Егора и Вась-Васича приобрести травматическое оружие: «Филимонов купил! И несколько раз уже пускал в ход! А мы беззащитные». Егор отнекивался, Вась-Васич презрительно хмыкал. И тот и другой не могли себе представить ситуацию, когда наставляют на человека пистолет, пусть пистолет и полунастоящий, а человек заслуживает высокой кары.

– Вытаскиваю я из кармана белого халата парабеллум... – дурашливо говорил Егор.

Их рабочая униформа уже давно не предполагала белых халатов, но для красного словца вспомнить о них было смешно.

– Филимонов же вытаскивает! – стояла на своем Вера.

Друг и коллега Егора Виталий Филимонов был кумиром всех женщин их станции «скорой помощи». Балагур и весельчак, дамский угодник Виталька не забывал отпустить комплимент даже санитарке бабе Кате, прозванной за свире-

пый нрав Кашеевна.

Незамужняя, пухленькая, низенькая, симпатичная крашенная блондинка, двадцати семи лет, Вера относилась к тем несамостоятельным женщинам, которые меняются в зависимости от обстоятельств, точнее – от мужчины, который ими руководит. До команды Егора Вера работала с врачом, страдавшим сглаженной формой депрессивной маниакальности, и ничтоже сумняшеся подворовывала медикаменты. Доктора тихо уволили, Вера мечтала с Филимоновым работать, но у того была старая и надежная как учебник по педиатрии скала фельдшерица Мария Ивановна. С Егором Даниловичем тоже неплохо – его ценят за профессионализм: если надо своим помочь оказать, то главный врач всегда Егора Даниловича посылает. Но стырить даже несчастный бинт – ой-ой какой скандал. Ничего, привыкла. И купила баллончик аэрозольный с перцовым составляющим. Раз они не хотят сами вооружаться! Сегодня этот баллончик и применила.

Вызов был к женщине с печёночной коликой. По каким-то деталям жилища, обстановки, общения женщины и мужчины, сразу стало ясно – они не муж и жена, давно вьющие гнездо, а сожители, которые сошлись недавно, и связывает их веселая любовь к выпивке. Приступ у женщины был не первым, она сама с ходу поставила себе диагноз и протянула Егору медицинскую книжку с УЗИ-снимками желчного пузыря, – раздутого, гипертрофированного, перекрученного, забитого камнями. Удалять желчный пузырь следовало

еще лет пять назад. И женщина это прекрасно знала, и операцию не делала, а вызывала «скорую», чтобы снять боль. И ведь боль была сильнейшей! От боли женщина трезвела, а ее приятель оставался очумело хмельным – сначала пьяно-испуганным, потом настороженным.

Егор говорил пациентке, что ее отвезут в больницу, нужна срочная операция. Женщина сипела: «Вколите...» – и грамотно называла препараты. Добавляла: «Я подпишу отказ от госпитализации. Доктор, вколите...»

«Мы с тобой, голубушка, – подумал Егор, – еще разберемся. Твои игры с обезболивающими и спазмолитиками плохо кончатся».

В комнате было мало света, Вера не обладала чуткостью пальцев, чтобы легко попасть иглой в вену. Это природная способность, как музыкальный слух. Одни медсестры с закрытыми глазами попадают в спавшие вялые сосуды, другие ковыряют иглой в руке молотобойца, у которого вены толщиной в мизинец. Но данное умение можно натренировать. По мнению Егора, который сам выполнял сестринские процедуры-обязанности легко, безболезненно и ловко, спасибо фельдшерской практике в армии, Вере следовало набираться мастерства. Он подключался, то есть брал в руки шприц с лекарством, когда пациент был уж совсем плох. В остальных случаях – Вера. Да! Тренируемся на людях. А иначе нельзя, не бывает.

Он оглянулся вокруг в поисках дополнительного источни-

ка освещения, вроде настольной лампы, которую держал бы над рукой пациентки.

– Егор Данилович, не могу! – взмолилась Вера. – У нее не вены, а веревки бегающие, и дрожит она.

Из-за сильнейшей боли у женщины начались судороги, и глаза у нее стали нехорошо закатываться.

– Ладно, я сам, – Егор взял в руки шприц, встал на колени, потому что женщина лежала на низкой тахте...

И тут в башку сожителя пациентки что-то стукнуло, какие-то вздорные мысли, предположения.

– Не смей Наташку лапать! – заорал пьяный идиот.

И с размаху врезал Егору в ухо. Иголка, уже поднесенная к локтевому сгибу, прочертила на плече женщины кривую, мгновенно закровоточившую, а сам Егор полетел в угол.

– А-а-а! – закричала Вера.

В ее вопле Егору послышалось торжество. Как если бы она вместо «А-а-а!» воскликнула: «Наконец-то! Я дождалась и могу пустить в ход свое заветное оружие!»

Вера выхватила баллончик и надавила на кнопку. Нервничая, она направила струю не прямо на дебошира, а прыскала из стороны в сторону, точно тараканов травила. Досталось и врачу, и хулигану, в меньшей степени больной женщине, потому что ее голова была повернута к стене.

– Стой! Перест... – закричал Егор и умолк, чтобы не хватать ртом отравленный воздух.

Он зажмурил глаза и рефлекторно поднес к лицу ладони,

но во время вспомнил, что тереть лицо нельзя. Пьяный мужик взвыл, упал на колени и принялся обзывать Веру последними словами. Она и сама испугалась тому, что натворила.

– Егор Данилович! – жалобно пищала Вера. – Что делать?

– Хорошо проветрить, все окна настежь.

Он чуть приоткрыл глаза и побрел в поисках ванной.

Вера, бегая по квартире и устраивая сквозняк, кричала, что сейчас вызовет полицию, что нападение на «скорую помощь» уголовное дело, их всех посадят, больных и здоровых алкашей проклятых. Она позвонила по сотовому телефону Вась-Васичу, что надо было сделать в первую очередь, а не разбрызгивать отраву. У них было условлено: при опасной ситуации – звонок водителю, и тот мчится на помощь.

Вась-Васич обнаружил в дурно пахнущей квартире группу рыдающих персонажей: сидящего на полу мужика, лежащую на диване женщину, которой, кстати, с перепугу стало легче, Веру, заламывавшую руки и выкрикивающую угрозы, Егора, изогнувшегося над раковиной в ванной и подставившего лицо под струю воды.

– Это чего тут? – покачивая зажатой в руке монтировкой, растерянно спросил Вась-Васич.

Все рыдают, и кого присмирять не понятно.

Первая порция воды вызвала усиление реакции, и Егор застонал сквозь зубы. Но потом стало легче, холодная вода снимала боль и жжение. Промывать надо долго – до тридца-

ти минут. Поэтому при подобных поражениях орошение из бутылочки, которую могут подсунуть раненому добрые люди, только навредит. Еще народная молва говорит, что помогает промывание молоком.

«Это сколько же молока надо? – спрашивал себя Егор. – Где найти корову, под вымя которой залезть? Идиотка Вера! Я тоже дурак! Ведь знал, что у нее имеется баллончик. Значит, рано или поздно пустит его в ход. Женщины – они такие, как мартышки: если есть кнопочка, то надо обязательно на кнопочку нажать».

Егора более всего злило, что он облился: голова, грудь – все мокрое. А на улице, между прочим, минус двадцать. Приедет в больницу или на станцию как мокрый петух: оказывал сам себе первую помощь, потому что меня фельдшер вырубил из перцового баллончика, – коллеги обхохочутся.

Когда суматоха улеглась, Егор жестко объявил больной женщине:

– Или вызываем полицию, оформляем нападение, или везем вас в клинику.

– Доктор, мне уже легче.

– Возможно, но следующий приступ может стать для вас последним.

Женщина боялась операции, хотя удаление желчного пузыря несложная операция. Боялась, судя по медицинской книжке, давно, и про опасность промедления ей наверняка говорили десятки раз.

– В больницу, – прошептала женщина.

«Чем не геройство? – думал Егор, оформляя госпитализацию. – Страх за мужика перехлестывает собственную панику. Женщины они такие – в каждой сидит героиня. Хотя мужик-то доброго слова не стоит».

Автомобиль Вась-Васича двигался на маленькой скорости и мягко покачивался. В их городе зимой до асфальта чистили только территорию вокруг областной администрации и улицу, ведущую к «Дворянскому гнезду» – так в народе называли новенький жилой комплекс, в котором жила номенклатура. Остальные дороги летом походили на участки прицельной бомбардировки небольшими снарядами, а зимой горбились черными обледенелыми сугробами. Езда ублаживала Егора. Ехать бы так вечно – спать и покачиваться, точно ты младенец в люлочке – состояние блаженное. Дети, вы не знаете своего счастья!

– Свяжутся с таким хлыщом, и что поделаешь? – спросил Вась-Васич.

Он имел в виду своих дочерей и вызов на ДТП.

Молодой парень за рулем «Ауди» последней модели въехал в столб, опору городского освещения. Бригада Егора прибыла на место раньше гаишников. У парня были сломаны или сильно ушиблены два ребра и расквашен нос, из которого обильно текла кровь. Но Егор, быстро осмотрев води-

теля, передал его Вере, а сам занялся пассажиркой – молодой девушкой, сидевшей на переднем сиденье. У нее не было открытых ран и заметных повреждений. Девушка тихо и вяло жаловалась на головную боль в области затылка, была странно заторможена, хотя обычно после аварии легкораненые люди возбуждены, паникуют. Вроде парня-водителя, который с ходу просек, кто в бригаде врач, а кто медсестра, и орал, что ему нужна помощь, бросьте ее, черт с ней, с девушкой, она-то цела, а он кровью истекает и дышать не может, он папе сейчас позвонит и этой долбаной «скорой помощи» мало не покажется.

Егор не обращал внимания на его истерику. Более того, велел Вере оставить парня и помогать им с Вась-Васичем осторожно укладывать девушку на носилки, фиксировать шейный отдел позвоночника.

– Тихо и плавненько, – говорил Егор, – тихо и плавненько. На счет три подняли и несем в карету.

– А я? – гундосил, сплевывая кровь, пересыпая речь матюками, парень. – Почему она первая? Меня, меня надо! Вы не знаете, кто мой папа!

Через час или два, когда ему окажут помощь в больнице, парень примется писать в твиттер, строчить в твиттере про ту аварию и про бездушных врачей «скорой».

Егор любил свою работу, но собственно на саму работу – поставить диагноз, оказать помощь – приходилась десятая часть рабочего времени. Остальное – усмирение эмоций па-

циентов и их близких, плюс писанина, заполнение бланков, плюс транспортировка в клиники.

– Женщины, они такие – непредсказуемые, – ответил Егор Вась-Васичу. – Бунин сказал, что женщины – это и не люди вовсе, а какие-то загадочные существа, живущие рядом с людьми, непонятные, необъяснимые, хотя люди постоянно думают о них и пытаются разгадать.

– Это какой Бунин? Зав стоматологией?

– Другой. Наш Бунин, откровенно говоря, – широко зевнул Егор, – позер и прохиндей. А был и есть великий русский писатель Иван Бунин. «Темные аллеи», – снова не удержал зевоту Егор, – и прочая поэзия.

– Мои девчонки про правильного Бунина точно знают. Они начитанные. Что не уберегает. Потом локти кусай.

Вась-Васич хотел сказать, что богатый интеллектуальный багаж не уберегает девушек от извечного: любовь зла – полюбит, и никому не поверит, что он козел, хоть во все трубы труби, пока сама не убедится через несколько лет, когда уже судьба отравлена роковой ошибкой.

– Не скажи, – возразил Егор. – Наличие виртуального идеала способно поднять планку требований и таким образом отсеивать претендентов, не подходящих под внутренне установленный стандарт... Что я несу? – потряс головой Егор. – Вась-Васич, не вибрируй! Твои девочки большие умницы. Их выведи на международный уровень – и все скажут, что

воспитывались под крылом английской королевы. Ей – привет, Ольге Александровне!

– А то! – благодарно хмыкнул Вась-Васич, польщенный тем, что его супругу сравнили с королевой.

Но не подумал оставить мечтающего о минутах блаженного младенческого сна Егора в покое.

– Почему ты с девушкой возился, а сынку другую «скорую» вызвал? Папаша сына нам бы отвалил, не поскупился заплатить...

– Аз есмь слаб, несовременен и попросту лопух. Когда вижу, что человеку лихо, забываю про свои долги, финансовые обязательства и прочие важные обстоятельства. У девушки была так называемая хлыстовая травма...

Как есть люди, которые любят, но не запоминают анекдоты, и один и тот же им можно рассказывать по несколько раз – реагируют бурно, смеются, так Вась-Васич обожал рассказы про диагнозы и способы лечения недугов. Ничего в его мозгу не откладывалось. В отличие от водителей, проработавших на «скорой» несколько лет и способных катетер поставить, Вась-Васич даже жгут на ногу или на руку боялся наложить. Но рассказы «про медицинское» обожал.

Егор объяснял, что такое хлыстовая травма: когда при резком торможении позвоночник человека, пристегнутого ремнем безопасности, совершает поступательно-возвратно-поступательное движение, похожее на взлет хлыста. Последствия обычно сказываются через несколько дней...

– Но в тяжелых случаях, когда позвонки съехали, – бормотал Егор, – и это самый нехороший вариант... рентген и томография могут не показать... И вообще, девушка была замедленная, тупая, ее не волновало, что парень оказался трусливым слюнтяем... такая энцефалопатия случается при скрытой кровопотере, например, разрыве селезенки... – засыпал на полуслове Егор.

– А малец? – повысил голос Вась-Васич. – Который у бабки с инфарктом?

Вась-Васич не давал ему заснуть, не потому, что был извергом, а потому, что считал, что в жизни важно *не перебить* – не перебить аппетит закусками, не перебить удовольствие от футбола, поругавшись с женой. Сон перебить тоже вредно, сейчас Егор покаяется, а потом дома не заснет толком. А если мужик не спит заслуженно, то ему добрые домочадцы тут же найдут триста двадцать дел, и про отдых придется забыть.

Егор в свою очередь считал, что разговоры «про медицинское» – малая плата за то, что Вась-Васич подвозит его до дома. В противном случае пришлось бы сорок минут трястись в автобусе.

– Слышь? – Вась-Васич сорвался на фальцет, потому что машина наехала на высокий ледяной валун. – Малец загибался?

– У-у-у... – потер лицо руками Егор.

Напрасно это сделал, потому что физиономию, научно го-

вора, кожные покровы лица, засадило с каким-то долгожданным чесучим удовольствием.

– Ты про что?

– Вызов к тетке с инфарктом.

Инфаркта не было и даже предынфарктного состояния, как показала кардиограмма. Но пожилая женщина, к которой был вызов, восприняла это известие с недоверием.

Егор к подобному привык. К тому, что подозревают в непрофессионализме, не верят очевидным данным. В коммерческом центре та же история: приходит пациент после обследования: анализы, на которые направил Егор, отличные, а человек хмуро насуплен. Он столько денег отвалил напрасно за обследование, а оно хорошее! Человек, как правило, женщина. Мужики лечиться не любят, а женщины обожают. Они такие – подверженные психосоматическим недугам. «Психо» – понятно, а «сомас» – от греческого «тело». У нее с мужем нелады, или на работе склока, или ранние морщины злят, или новую сумочку купить не может – вот тебе «задыхаюсь», «сердце давит», «что-то у спины не отпускает», «рези непереносимые в животе», «по рукам мурашки бегают», «ноги отнимаются». С точки зрения физиологии, организм у нее в порядке, работает как часы, а всех близких извела своими жалобами. Женщины, они такие – им не хватает жалости, сочувствия, внимания. Сколько не окажешь – все равно мало. Они сильны и здоровы, только когда обсто-

ательства заставляют их работать от зари до зари, до изнеможения, как в войну. Они героини, но было бы негуманно держать их в обстановке вечного подвига, в рабском черном теле, мы же не звери, и войны нам самим надоели. Следствие – прет психосоматика. Важно! Женщины не придуриваются, не играют... может, только самую малость. Им действительно плохо, больно, и весь свет не мил. Их надо лечить. А поскольку мы не психотерапевты в плюшевых кабинетах и с астрономическими гонорарами, то будем лечить то, на что жалуется хмурая красавица. Женщины, они такие – проще дать то, чего возжелали, чем тыкать правдой в лицо. Благо есть много расплывчатых диагнозов и хороших препаратов, которые не навредят здоровому организму и даже помогут впрок.

– А куда бы мы девались без этих теток? – пробормотал Егор. – Медвузы закрывай, докторов на биржу труда...

– Чего-чего? – переспросил Вась-Васич громко, чтобы Егор очнулся.

– Мы про что говорили?

– Пацана везли в детскую больницу, ты велел жать на предельной скорости, а сам им звонил по сотовому.

– Да, было.

Егор, поняв, что никакой сердечной недостаточности тут и в помине нет, спокойно и размеренно говорил пожилой женщине, что при ее стенокардии возможны спонтанные ре-

акции... молот псевдонаучную чепуху. Если бы подхватился и уехал, был бы гарантирован повторный вызов. Больные не любят, когда доктора торопят, даже если это врачи «Скорой», которые в данный момент остро нужны в другом месте.

Егор триндел про необходимость коррекции лекарственных средств и не мог избавиться от чувства «что-то не так». Врачи вообще суеверны, доктора «скорой» – вдвойне. Непокойствие о «что-то не так» – когда ты уедешь, а человек останется в собственной постели, не в больнице, забудется после седативных препаратов, которые ты ему вколол... Они, врачи «Скорой», в расслабленном неслужебном состоянии, за рюмкой чая признавались друг другу в том, как гнетет интуитивное подозрение в промашке, и учили новобранцев – лучше задержись, копай, рой, ищи, если на душе не спокойно. Виталька Филимонов однажды три часа просидел на рядовом вызове пищевого отравления. Мальчик несвежей рыбы поел, теперь его несло изо всех дырок. Чистоплотные родители все, что нанесло, удалили, бельишко постирали. Мальчику было восемнадцать лет – двухметровый амбал, кандидат в мастера спорта по боксу в тяжелом весе. Филимонов все необходимые процедуры сделал, рекомендации озвучил, но уехать не мог – что-то было не так. От несвежей рыбы пронесло и маму с папой, но в отличие от них парень-боксер был уж слишком слаб, бледен, вял, хотя и пытался держать хвост пистолетом. Ох, уж эти бодрячки! Хуже паникеров. Родители не могли дождаться, когда доктор

удалится, а он все выпрашивал и мял живот детинушке, и выстукивал... Дождался. Парень дернулся с мученической гримасой (не смог до туалета доползти), кровавенько блеванул и надристал в штаны. И все стало ясно: спасибо боксу – внутреннее кровотечение, срочная госпитализация, срочнее не бывает, если успеют и сумеют коллеги-хирурги зашить-заштопать. Но это уже их печали.

– Данилыч! – в очередной раз позвал Вась-Васич.

– Я и говорю: что-то было не так. Потом понял боковым зрением, в смысле увидел. Молодая женщина в соседней комнате ходила взад и вперед, на руках ребенок, девочка пятилетняя...

– Мальчик, – поправил Вась-Васич.

– Точно, мальчик. Лежит у мамы на груди, головка на плече в сторону вывернута... будто девочка точно тряпочная, без скелета, и дышит... плохо дышит. Я к ним. Спрашиваю: давно ребенок болеет, вызывали врача? Говорит, вызывали, диагноз ОРВИ.

– Глупее и дурнее ОРВИ, – вспомнил Вась-Васич одну из немногих усвоенных им истин, – только вегетососудистая дисплазия.

– Вегетососудистая дистония, – поправил Егор. – А дисплазия – это неправильное развитие тканей, органов или частей тела. Последствие нарушений их формирования в процессе эмбриогенеза...

– Данилыч, говори проще! И громче!

– Так вот, – шумно вздохнул и выдохнул Егор. – Я матери говорю, давайте, мол, послушаю ребенка. С умным видом вставил в уши трубки фонендоскопа и... Вась-Васич! Меня заклинило с испугу! Честно!

Егор нередко преувеличивал, потому что Вась-Васич обо-жал драматические моменты врачебной практики, когда доктора, столкнувшись с моментами пограничной ситуации жизни и смерти, проявляют понятную человеческую слабость, растерянность, а потом берут волю в кулак и выказывают чудеса профессионального мастерства.

Но тогда Егор действительно струхнул. Это был пятый или шестой вызов, он вторые сутки без сна, он влил в себя ведро кофе – на станции в перерывах между вызовами и в дороге из термоса Веры. Его тело требовало покоя, а мозг, накачанный кофеином, услужливо трепыхался. Он не поверил своим ушам, он слушал и покрывался холодным потом.

– Мелкопузырчатые хрипы, бронхиальное дыхание, – рассказывал Егор, – двусторонняя пневмония – это понятно. Но еще у нее крепитация... – Это скрип такой, будто пучок волос около уха растираешь или по снежку хрустящему идешь. Крепитация при пневмонии над очагом только во время вдоха. А у девочки...

– У мальчика.

– Ага, у него скребущие звуки были и во время вдоха и во время выдоха. Значит, плевра трется, значит, обширная

плевропневмония...

– Ёксель-моксель! – выругался Вась-Васич.

– Еще мягко сказано.

Всегда выдержанный и спокойный, Егор сорвался. Выдержнул из ушей трубки и повернулся к матери:

– Как вы могли! Ребенок... – запнулся, не сказал-таки «умирает», – в тяжелейшем состоянии, у него двустороннее отягощенное воспаление! Что вы тут!.. Ерундой занимаетесь.

Молодая женщина смотрела на него странно, точно он с неба свалился или с люстры прыгнул. Ее глаза распахивались, становились все больше и больше. И плечи, усталые, затекшие, она расправила, спину разогнула...

– И вдруг она, Вась-Васич, – продолжал Егор, – начала клеймить свекровь. Бабка со стенокардией была ее свекровью.

– А муж?

– Присутствовал. Нормальный затюканный мужик. Женщины, ты знаешь...

– На линию огня между ними не становись.

– Точно.

Женщина, возможно, впервые в жизни потеряв контроль, кричала: это все она, свекровь, все внимание должно быть ей, а мы прислуга... В ответ свекровь, только что скорбно и благородно умиравшая, разразилась ответными громоглас-

ными претензиями. Их единственный мужчина пытался что-то умиротворяющее вякать, но его никто не слышал.

– И тут Вера была действительно молодца, – продолжал Егор. – Второе выступление за смену, на «бис» так сказать, но без перцового баллончика. Уловила мой растерянный взгляд, открыла хайло, пардон, свой симпатичный ротик и выдала им по полной. Мол, у вас ребенок с крупом умирает, а вы разборки устроили, креста на вас, сволочи, нет, никакой врачебной этики на таких извергов не хватит, ни стыда, ни совести, перед Богом вы покаетесь, а перед этим несчастным ребенком будете вечно грешны. Веру почему-то тянуло на религиозную лексику, но при этом она не скупилась на крепкие выражения. Подействовало. На меня в том числе. Навел на резкость и сообразил, что делать. А родные девочки, конечно, перепугались не на шутку. Дальше ты знаешь.

Вась-Васич не стал в очередной раз поправлять: не девочка, а мальчик. Сказал о другом:

– Когда невестка со свекровью или зять с тещей на ножах, – дело швах.

– Эт точно.

«Славно, что Надюшкина мама любит меня, относится как к сыну, – погружаясь в заветную истому, думал Егор. – Но с другой стороны... Как к сыну – это как к собственности... Продай... сделай... у нас опять кран в ванной течет... почему ты никогда тубик с зубной пастой в стаканчик не ставишь, а на раковине оставляешь? По кочану! Скажи-

те спасибо, что еще помню, что у меня есть зубы и надо их время от времени чистить. Лучше как моя мама с Надей – при всей любви, но на дистанции. Конечно, надо бы жить отдельно. Отдельно теща не смогла бы. Мы – смысл ее существования. Смысл смыслу рознь... миру мир... До чего же хочется спать! Куда бы мы без тещиной квартиры? Плюс в долг взяли, плюс ипотека... Зато сейчас четыре комнаты... и еще десять лет расплачиваться... Теща – святая женщина, то с внучкой в одной комнате живет, то с внуком, пока кто-то из них не взъерепенится: бабушка храпит... Своего угла у Тамары Геннадьевны нет... Зачем ей свой угол? Наличие бытового недостатка дает женщине возможность демонстрировать угнетенность и, как следствие, право на повышенное сострадание. Взять бы всех этих героинь...»

– Приехали, эскупап! – толкнул его в бок Вась-Васич.

– Эс-ку-лап, – по слогам произнес Егор, вываливаясь из машины. – Древнеримский бог врачебного искусства. До бога мне сейчас как муравью до Луны. Да и в бодром состоянии... Пока! Спасибо!

Его квартира на третьем этаже. Славно и полезно ножками, вприпрыжку по ступенькам... Извините! Ножки не ходят.

Егор вызвал лифт и вошел в него вместе с соседкой с девятого этажа, которая неодобрительно посмотрела на мужчину, в девять утра мятого и замученного, не способного подняться по нескольким лестничным маршам. Дама, вы правы

в принципе, но не в частности! Дамы, они такие – скорые на выводы, исходя из моральных принципов.

Встречать его в прихожую вывалилось все семейство: жена, сын и дочь, теща и родная мама, приехавшая к ним с утра пораньше. «Что бы вам всем, – думал Егор, здороваясь и раздавая дежурные поцелуи, – не заниматься полезными делами?» Как хорошо и славно, когда тебя любят, нуждаются в тебе! Идеальная семья, и ты в ней бог, царь и воинский начальник. Но богу, даже муравьиному, возможно, отдых не требуется, а царю и генералу после трудов положен. Тем более после трудов, измочаливших тебя до состояния дряхлой половой тряпки.

– Родные! – обратился к семейству Егор. – Дайте мне пару часиков поспать, и я буду полностью ваш. Миную ванную, я сейчас рухну на постель, не раздеваясь.

Жена Надя проследовала за ним в спальню.

– «Не раздеваясь», – говорила она подозрительно, – это уж слишком. Снимай штаны!

Егор запутался, спуская брюки, и чуть не упал.

– Шатаешься! И почему ты красный? Выпил? На дежурстве?

Егор любил свою жену, уважал, ценил... и далее по списку все прекрасные глаголы. Но двухсуточный запас спокойного доброжелательства он израсходовал на неадекватных пациентов и их паникующих родственников. И сейчас ему хотелось... послать Надю, пусть недалеко и культурно, но по-

слать. Этого делать было нельзя, равносильно броску гранаты в тихий омут. Бывало, уже проходили. Потом будут обиды, глаза, полные слез, нескончаемые жалобные упреки. Ему придется извиняться, каяться, чтобы в финале услышать: «Значит, с другими ты добрый и деликатный, а со мной, со своей женой, можно вести себя гадко?»

– Надюша, ну какое выпил? – падая на кровать, бормотал Егор. – Если бы! Ни в одном глазу. Красный, потому что вызов был к бандитам, – зачем-то приврал он, – а у нас оружия – только перцовый баллончик у Верки, она его пустила в ход... Я поплюю и тебе расскажу, посмеешься.

– Давай рубашку помогу снять, – потеплела жена и принялась раздевать его, как ребенка. – Майку чистую дать или в этой? Спи в этой, – позволила Надя. – Воронины машину свою продают и не дорого, она у них почти новая, с маленьким пробегом. Можем кредит потребительский в банке взять, – не терпелось супруге поделиться своими планами.

– Пробег – это хорошо... Надюш, потом, ладно?

– Мама твоя приехала, не говорит зачем.

– Может мама ко мне просто приехать, не за чем? – закрыв глаза, спросил Егор.

Присутствие жены он воспринимал как досадную помеху. Надя – как страж, заскучавший у ворот nirваны страж. Егору бы в nirвану, а стражу хочется языком почесать.

– Пропусти меня! – взмолился он.

Наде послышалось – «отпусти».

– Ну, спи! – со вздохом жена накрыла его пледом.

Хорошо-то как! Блаженство! Он бы сейчас на деревянных нарах, на голой холодной земле растянулся, а тут мягкая постель и подушка...

Ему так хотелось спать, что не мог уснуть.

Сегодня три вызова были к алкашам – якобы «с сердцем плохо». Снятие алкогольного опьянения и похмелья не входят в перечень услуг, которые оплачиваются по обязательному медицинскому страхованию. То есть для нас – мимо кассы. Сотрудники «Скорой» могут и должны развернуться и уехать. Мужиков жалко. Чего я их жалею, а не свой карман? Спать! Сейчас усну. Мысли – прочь! Алкоголь действует на людей по-разному. Один выпьет – и любит весь белый свет, становится добрым-добрым, до придурковатости. Я сам такой. Наутро стыдно вспоминать, чего наговорил и наобещал. Другой мужик под градусом начинает болтать, превращается в словоохотливого резонера, будет говорить и говорить, вещать и вещать, хоть до утра, пока не свалится, пока градус не упадет. Вась-Васич молчун, а как поддаст... Стоп! С чего я вдруг о проявлениях алкогольной интоксикации? Я же спать хочу! Как миллион китайцев на строительстве Великой стены. Китайцы? При чем здесь китайцы? Это все кофе, надо завязывать с ним. Мозг – как брага гуляет. Спокойно! Расслабляемся... Самые опасные пьяницы – агрессивные. Выпьет мужик – и кулаки в ход, нож, пистолет...

подавай ему врага, сойдет и собутыльник, жена, случайный прохожий... сколько их, буйных, таких по тюрьмам сидит... А ты не пей, если знаешь за собой, что с катушек срывает! В прежние времена, наверное, таким бойцам цены не было – поднес ему чарку перед боем, он и пошел крушить направо и налево. Не те времена. Про времена-то – при чем? Я же спать хочу! Еще есть жуиры. Выпил – подавай бабу, лучше чужую, свежепознакомленную. Но в принципе – любую, только не свою. Виталька Филимонов как врежет спиртного, так у него выброс тестостерона, глаз блестит, хвост сучит... Какой хвост? У людей есть хвосты? Рудиментарность, ни разу не встречал. А Филимоныч – жуир. Жуир Жуирович Жуиров. Есть такое имя? Оно французское? Или абхазское? Моя Надюха вначале возмущалась, клеймила Витальку, а сейчас уже привыкла. Она славная. Знает, что если мой дружок поддал, то начнет клеить бабу, не взирая на собственную жену Лизу. Бедная Лиза... Это что-то из литературы? Не такая уж бедная, коли терпит Витальку. Женщины, они такие – терпят, когда им выгодно. Смешно было, когда в последний раз они у нас сидели. Филимоныч набрался, а вокруг никого из посторонних дам не имеется. Надька шепчет: «Представление начинается, не пропустите!» Филимоныч к ней и так и сяк, а она кокетничает, вроде бы повелась... Хохоту было!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.